

СМЕНА

17
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОЛШЕБНЫЕ РУКИ

Слова П. ЛЮКЭ и С. СЕВЕРЦЕВА.
Музыка А. ДОЛУХАНЫНА.

Энергично

Братья, друзья, объединитесь вокруг: вокруг труда, чу-ди,
Все чужие руки. Он лет, куют, создадут го-рода. Ру-ки, как молот, собира-ют все труды! В наших сердцах —
воля молодца, мир навсегда!

Наша мечта: мир на земле, мир навсегда!

во-ля тверда, мир навсегда!

во-ля тверда, мир навсегда!

Братья, друзья, объединитесь вокруг:
Всюду труды человеческих рук.
Всюду труды человека города
Сует, куют, создают города
Руки, волшебные руки труда!
В наших сердцах — воля молодца,
воля молодца, мир навсегда!

Наша мечта: мир на земле, мир
навсегда!

Бьется в плотину крутая волна.
Слушник летит, и цветет земля.
Все вам подвластно — огонь и вода —
Руки, волшебные руки труда!
В наших сердцах — воля молодца,
воля молодца, мир навсегда!

Наша мечта: мир на земле, мир
навсегда!

За руки крепче друг друга возьмем,
Пусть наши души пылают огнем.
Будьте дружны и упорны всегда.
Руки, волшебные руки труда!
В наших сердцах — воля молодца,
воля молодца, мир навсегда!

Наша мечта: мир на земле, мир
навсегда!

ПОДВИГ РАЗУМА

14 сентября в 0 часов 02 минуты 24 секунды московского времени вторая советская космическая ракета достигла поверхности Луны. Впервые в истории осуществлен космический полет с Земли на другое небесное тело. В ознаменование этого выдающегося события на поверхность Луны доставлены вымпелы с изображением герба Советского Союза и надписью «Союз Советских Социалистических Республик. Сентябрь, 1959 год».

Для обеспечения сохранности вымпелов при встрече с Луной были приняты конструктивные меры...

Достижение Луны советской космической ракетой является выдающимся успехом науки и техники. Открыта новая страница в исследовании космического пространства.

Из сообщения ТАСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Сентябрь, № 17, 1959 год.

Год
издания
36-й

ЭТОТ МИГ

*По московскому времени
время проверьте!
Слушай, мир, золотые куряты
Кремль!
Этот миг обессмерен на нашей планете
Миллиардами глаз смотрит в небо
Земля.
Новый день настает
с новой эрой вместе,
Замер мир в ожиданье
хороших вестей...
Они в сводке
московских последних известий,
В доброй воле
Советской Отчизны моей!*
Юрий СБИТНЕВ

Рисунок Я. Мирошниченко.

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Н. С. Хрущев, Д. Эйзенхауэр и Н. П. Хрущева на пути с аэродрома Эндрос в Вашингтон.

Снимки Фотохроники ТАСС.

В мировой политике последних лет нет события более важного, чем то, о котором говорят сегодня люди всех стран, — встреча Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева с американцами, с Президентом США Д. Эйзенхауэром.

Накануне отъезда Н. С. Хрущева в Америку мир облетела потрясающая весть: полярники Луны коснулись советская космическая ракета. Этому блистательному триумфу нашей науки и техники предшествовала другая выдающаяся победа: вышел в плавание первый в мире атомный ледокол «Ленин». Поистине символические события! Сокрушая лед «холодной войны», они еще выше поднимают перед изумленным человечеством авторитет нашей миролюбивой социалистической Родины. Теперь еще раз все увидели, какие дивные дива могут свершить свободный труд и вдохновенный разум человека, ставшего хозяином своей судьбы. Советский народ, занятый самой мирной, созидательной работой, не может желать войны. В этом все больше и больше убеждаются люди мира.

15 сентября, в день приезда Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты, высокого гостя сердечно встречали триста тысяч американцев. Анализируя этот факт, газета «Вашингтон пост» писала: «Ничто не может вызвать такого энтузиазма, как реальная перспектива прочного мира. Прочный мир — это и есть основная цель визита советского премьера в Соединенные Штаты».

Беседы и встречи Никиты Сергеевича с американцами все глубже убеждают простых людей Америки в искренности и миролюбии советской политики. «Мы уверены», — сказал Н. С. Хрущев, выступая в Национальном клубе печати в Вашингтоне, — что американский народ за мир. Но если совпадают наши интересы в самом важном — в вопросе об обеспечении мира, то нам надо идти в ногу и, объединив наши усилия и энергию, добиваться решительного изменения климата в международных отношениях. Поэтому давайте подумаем, как нам осуществить советско-американское сотрудничество... Советское правительство верит, что если мы вместе будем упорно трудиться, то вполне возможно разогнать хмурые тучи в отношениях между нашими странами».

Сегодня все человечество, за исключением кучки оголтелых милитаристов и фабрикантов оружия, восторженно приветствует исторические предложения Советского правительства о всеобщем и полном разоружении всех государств. «Суть наших предложений состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили бы полное разоружение и не имели бы больше средств ведения войны», — сказал Никита Сергеевич Хрущев на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Предложения Советского Союза, выступление Н. С. Хрущева, обращенное к совести и разуму всех народов, ставят ныне проблему разоружения на совершенно реальную основу. Они расчищают путь к прочному миру.

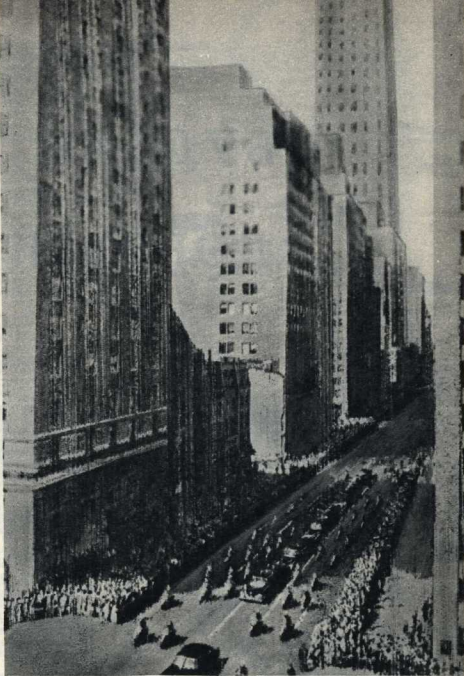
— Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев и Президент США Дуайт Эйзенхауэр на военном аэродроме Эндрос.

Товарищ Н. С. Хрущев выступает с речью на заседании 14-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Советская программа разоружения, теплый прием, оказанный Никите Сергеевичу Хрущеву американским народом, асяют в человеческие сердца уверенность в том, что будет покончено наконец с «холодной войной». Стрелка барометра международных отношений прочно остановится на «ясно». Сбудутся мечты и надежды человечества об окончательной победе великого дела мира, которое так терпеливо и настойчиво отстаивают советский народ и Советское правительство!

Мир восторжествует на земле!

На одной из улиц Нью-Йорка во время прохода Н. С. Хрущева и сопровождающих его лиц.

15 сентября Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев вручил Президенту США Д. Эйзенхауэру копию вымпела, оставленного на Луну в советской космической ракете. На снимке: Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр во время вручения памятного дара.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

Рассказ

Рисунок Н. Подиванова.

Первые два дня командировки я намерен был провести в районном центре, а потому не спешил распрощаться с секретарем райкома, сучоным, бледным человеком, на вытнутом лице которого мягко и благожелательно блестели старые очки. Но сам секретарь — не успел мы и разговориться — неожиданно нарушил мою план, полагая, по-видимому, что доставляет мне большое удовольствие.

— Понимаю, как же,— заговорил он приподнятым баском.— Как можно больше увидеть? Ну, что ж, таким гостям мы рады. Добро пожаловать! Правда,— левый глаз от слезки прищурил,— без проводника в наших горах нелегко. Но не беда: тут один наш инструктор собирается на высокогорные пастбища. Сейчас мы его позвоним. Но это такой непоседа, что может, уже и улетел.

Он, должно быть, нажал на кнопку звонка, ибо через несколько секунд порог кабинета переступила полная, круглолицая девушка, по-видимому, машинистка, и внимательно посмотрела на нас.

— Позовите Андрея,— распорядился секретарь.

— Он уже уехал.

— Уже? — В голосе секретаря прозвучала досада.— Вот непоседа! На чем же он уехал?

— Не знаю. Говорил, что найдет попутную машину. Лесромхозские туда часто ездят.

— Гм-гм,— нахмурился лоб секретаря.— А может, он еще... Ну, да ладно, я сам поиную.

Девушка вышла. Секретарь принялся звонить по телефону, вызывая то лесромхоза, то лесоплановую контору. После короткого приветствия сразу же спрашивал: «Андрея нашего нет у вас?» Разъясняя, что речь идет об инструкторе райкома партии, не было никакой надобности, не было также нужды называть его фамилию или прибегать к перечислению других каких-нибудь фактов.

Было неудобно, что ради меня секретарь райкома принял на себя такие хлопоты, и я попросил его не беспокоиться.

— К чему это? Я вовсе не слесарь. К тому же может случиться другое попутчик!

— Ничего, ничего. Мы его найдем. Вот я еще в райпостройку позвоню. Они, кажется, собирались отвезти завтра чуть ли не в Беркут.

Ему действительно повезло: Андрей ехал на машине райпостройбско. Правда, машина минут три, как уже вышла за ворота, но и это не беда: возле лесхозского завода ее задержал, и Андрей сейчас же примчится в райком. Тут недалеко.

И точно, ждало пришлось недолго. Но paura эта была необходима, так как позволивши из области, и секретарь продолжал разговор по телефону даже после того, как Андрей появился в кабинет.

Тут недалеко.

По тому, как секретарь кивнул мне, я понял, что это и есть тот самый инструктор, которому

предстоит сопровождать меня в горы. Хотя мог бы догадаться об этом и без посторонней помощи: дошедший вопрошательно посмотрел на начальство, он был одет так, как одевается а далекую дорогу. На нем был старый, поношенный костюм, кирзовые сапоги; в одной руке он держал туго набитую кожаную сумку, в другой — серый плащ. Он был невысокий, но плечистый; скуластое, загорелое лицо вырито; высокий лоб отливала бронзой; под светлыми, словно выгоревшими бровями — серые пытливые глаза; белокуры чуб акkuratно зачесан назад...

Полагая, по-видимому, что его не задержат, он с нетерпением ждал, пока секретарь кончит разговор по телефону,— не садился, не вынул из рук ни плаща, ни сумки.

Наконец секретарь позволил трубку.

— Вот и наш Андрей. Знакомьтесь.— И, обращаясь к Андрею:— А это товарищ...— он, видимо, забыл мою фамилию,— товарищ диспетчер. Хочет написать о наших людях. Вот вам, Андрей, и поручение: познакомьте товарища с народом.

Андрей приветливо посмотрел на меня и несколько смущенно проговорил:

— Машина там ждет... Не знаю, как... Завтра мне нужно быть на Гропе. Но, может, вы сейчас поедете? — неуверенно спросил он. Видно было, что ему очень хочется получить утвердительный ответ.

Минут через двадцать нас уже трясло и подбрасывало в машине, которая шла по узкой каменистой дороге. По таким дорогам хорошо бы поехать тем, кому нужно избавиться от лишнего жира. Достаточно принять несколько сеансов подобного лечения — около недели поедать по маршруту райцентр—Беркут, и человек перестанет жаловаться на ожирение. Лучше всего ехать в кузов трехтонки. Правда, нужно крепко держаться, чтобы тебя не вытряхнуло из машины, но зато попутное тут будет сочетаться с приятным: взору открываются виды такой поразительной красоты, что невольно забудешь о неудобствах путешествия.

Дорога змеится узкой лентой над Черным Черемшанем, шумящим, пенящим; справа угрожающе нависают скалистые стены, расстреканные, готовые вот-вот обрушиться на дорогу. Немного поодаль, как и по другую сторону реки, крутыми склонами поднимаются вверх пахотные деса, и кажется, что едешь в железном коридоре, который тянется далеко-далеко, теряясь в синей дымке.

Держась руками за нагретую солнцем кабину, Андрей то мечтательно глядит вдаль, то изумленно поглядывает на меня и, чтобы перекрыть надменный гуд мотора, говорит очень громко. Изменяется за плохие дороги, словно он один виноват в этом, с радостью сообщает об их ремонте и расширении.

На тех участках дороги, где машина идет ровнее, он нагибается ко мне и доверчиво спрашивает:

— На альпийских лугах еще не были? А пейзажи Добуша видели? И в Крипориново не заехали?

По его скуластому лицу пролетает тень разочарования. Андрею, видимо, кажется, что человек, не побывавший в местах, которыми он так очарован, зря потратил свою жизнь. Чтобы успокоить мое любопытство, он обращает внимание на все, что открывается взору, и подробно обо всем рассказывает. Я скоро убедился, что о лучшим проводнике нечего было и мечтать.

Над дорогой затемнена разбитая молнией пихта, и Андрей послешел мне обещание: «На таких вот порожнейших громовым ударом пихт трембиты делаются». Заметил большие ромашки — не удержался: «А знаете, как их у нас называют? Неестками». И тут же: «А вот поглядите, как цветы выглядят. Дырабка, по-нашему». И подробно, точно мне предостатать платогоном, рассказал всю технологию этой не легкой и опасной работы.

— В Беркуте я вас познакомлю с одним старым рудником. Лет около тридцати уже водят платоты. Не раз смерти в глаза заглядели. Во время затора, когда платот ударится о берег или на мель наскочит, все тогда трещит, и огромные бревна ломаются, как щепки. Не успеешь выскочить на берег — помнет и... С Петруком так-то платоты над ним поноселись... Слышит — гудит. Ввернул руками в камень и затаял дырку. Нервы железные были. Когда платот проехал, всплыл на поверхность. Все думали, что ему не выбраться оттуда, а ему хиты бы что! В следующую субботу опять водят платот... Вот о нем бы написать! — И он с любопытством посмотрел на меня.

В Беркуте он меня действительно познакомил с Петруком, высоким устым гуцулом с рязноватыми сапогами с длинными, чуть ли не на всю ногу, голтынями и засаленной меховой безрукавке. Сам же он, сказав, что ему нужно идти в лесничество, поспешил ушел.

— Вернусь часа через два! — крикнул он уже издали.

Петрук не спешил с ответом на мои вопросы, а заговорил о чем-то с товарищами. Я разобрал лишь отдельные фразы:

— Пока Андрей тут, ему надо рассказать. Директора не скоро дождешься.

Я уже успел заметить, что повсюду, где бы я останавливался, Андрей был своим человеком и его звали лишь по имени. Он торопливо знакомил меня с кем-нибудь, а сам отходил и вступал в беседу то с ассистентами, то с плотниками, то с дорожными мастерами. Не знаю, о чем велись разговоры, но я видел, что люди оставались довольными и, пожимая Андрею руку, приветливо с ним прощались: «Будьте здоровы, Андрей!»

Когда Андрей вернулся из лесничества, плотники так и не дали мне подойти ко мне, обступили со всех сторон, заговорили. Даже Петрук обрвал свой рассказ на полуслове и нетерпеливо сказал: «Ну, больше рассказывать нечего». — И поспешил к Андрею.

Андрей, однако, не забывал меня: он то подвозил ко мне зерно или мастера и шептал на ухо: «Этот такой человек, о котором можно написать целую книгу!», — то напоминал, что деурно было бы попить из минерального источника... Однако всюду сопровождал меня кто-либо другой: у Андрея всегда обнаруживались новые заботы. Ужинать мне тоже досталось одному: Андрей проводил в красном утолце беседу, а после этого его еще заставляли лобызать на ренетницах хора.

В комнату приезжих он вернулся, когда я уже спал. Я так и не узнал, в полночь ли он пришел или под утро. Мне даже показалось, что он вовсе не ложился. Когда я проснулся, он сидел за столом и, наморщив лоб, что-то писал.

На окне дрожали малиновые полосы — из-за гор взошло солнце.

Ранним утром мы по скалоледи от росы горной тропе подымались на пастбище. Правда, можно было дожидаться лошадей, на которых выкоп спускают с гор бочки с маслом и бранчатся лучше: «Больше увидите!»

Я не сожалел, что потратил добрых три часа на этот поход, хоть и почувствовал себя после него смертельно усталым. Шум пикетового леса, журчащие ручьи, душная прохлада, столько цветов, что им и названий не хватает... Застывшая волнообразная земля, величественно гремящая в нежной, дрожащей дымке... Все это напоминало сказку, очаровывало, привлекало.

Достигнув пастбища, я тяжело опустился на иссеченную тонором сукноватую колоду, а Андрей побежал по хозяйству: заглянул в конюшню, в конюару, в хлев.

Еще по дороге он мне рассказал, что несколько лет назад на пастбищах не было ничего, кроме черных, просмоленных и корой крытых сараев, в которых и молоко перерабатывали, и люди спали — на земле, у костра.

Глаза Андрея сверкали, и он с трудом удерживал от уже привычного для меня вопроса: «Может, вы об этом напишете?»

Однако, когда я заговорил о том, что хотел бы написать про эту зеленую невестку гор, о помехи людям и обо всем том новом, что пришло к ним, он неожиданно стал суровым и недоверчиво посмотрел на меня. Что же ему не понравилось в этих моих словах? Распространять было неудобно, а сам он не спешил объясниться.

— Андрей, казалось, вовсе не устал и не думал отдохнуть.

— Не хотите на озеро пройтись? — спросил он с обычной живостью. — Это по дороге на вершину Пола Ивана... Есть у нас олово соображение. Думем соорудить там дом отдала для пастухов. Дом поставим. Ложи будут... Ну, как? — и, не дожидаясь ответа, виновато сказал: — Ой, вы ведь не привыкли к нашим горным тропам! Небось, устаем! Сейчас вам принесут обед. Ответьте нам банши. А потом и с людьми побеседуете. Старшего пастуха видели? С детства целое лето провозит на альпийских лугах... А вот девушку с длинной косой видите? Это Беручка. Поговорите с ней. А завтра на Гропе я вас познакомлю с Иленой Кишук. Не слышали о такой?

— И всех их вы знаете?

— Ну как же? — удивился он. — Ведь я с ними вырос и живу среди них!

Андрей не задерживался возле меня: у него были свои дела. До самого вечера мне так и не удалось с ним встретиться. Только когда и уже лег спать, за тонкой перегородкой раздался его озабоченный голос. Узнал я и голоса доярки и охрипший бас старшего пастуха. Разговор шел о будничных делах: говорили о выдохе молока, жаловались на то, что мало хлеба подвозят, что мало зерновых кормов, а жмыхов вовсе не видать, что пора уже за псырку встать (так здесь называют поганку, жесткую траву). Почему бы не расквашить на пастбищах фосфатную муку? Сочные травы бычно понаби бы в рост и совсем забыли бы эту псырку... Потом речь зашла об озере, куда только что ходил Андрей. Пора уже дом ставить. Люди только спасибо скажут, а об инвентаре для дома отдала в институт побеспокоится: прикупит радиолу, библиотечку, настольные игры.

— Вот, вот, — подкивал старший пастух... Вы, Андрей, уж расшевелите там нашего председателя. Вас он скорее послушает...

Еще через полчаса Андрей зашел в комнату, которую нам отдели, и бесшумно начал раздеваться.

Я нарочно закипал.

— Не спите еще? — шепотом спросил он. — Пора уже, поздно...

Однако, улегшись, он и не думал спать. Что его волнует? Какие мысли тревожат? Мне казалось, но он не желал бы еще побеседовать, но он не решался нарушить молчание. Поэтому я заговорил первым. Рассказал о своих довольно благоприятных впечатлениях и был уверен, что Андрею это понравится. Однако он ничем не выдал своего отношения к тому, что я рассказал, а позже, глубоко вздохнув, с грустью заметил:

— Далеко не все еще хорошо. Работы еще непочатый край. Некогда даже подумать об

всем. А надо бы Возмыте, например, пастбища. Сколько горной травы здесь растёт, какой, которую ни коровы, ни овцы не возмуют! Как избавиться от нее? Вот об этом напикали да и пусть ученые придумают что-нибудь. Да это ли только нас волнует?... Люди вот приезжают, природой восхищаются. Дескать: «Эко-тика! Романтика! Первозданная красота!» А нас порою слова эти коробят. Не желаем мы больше жить так, как жила когда-то, при этой «первозданной экзотике», в этих пастьбухных шашалках! Пусть экскурсанты восторгаются ими в музеях, а мы их расширяем. Только... Ох, как много еще работы!

Он замолчал.

За стеной послышалось тихое пение:

Течет вода мутная,

Милая почему-то ходит грустная.

Андрей вздохнул и озвобенно заметил: — Кашина... До утра так петь будешь. Тоскует девка. Любит. А парень ее какой-то непутевый...

— Мне казалось, знай он, как успокоить девушку, не задумываясь, сделал бы это: не может оставаться равнодушным к чужой боли!

Позади затлели солнцем альпийские луга с торжественной перекляшкой трембит и мелкими брызгами шимбал, шутовые дельные песни и серьезные беседы пастухов и чабанов... В записной книжке уже нет ни одного чистого листочка. Нет, не напрасным было мое путешествие в горы!

И все же какое-то неприятное ощущение меня не покидает, не дает покоя. А когда я пытаюсь продумать, во что выльются все эти впечатления, вовсе становится не по душе. Отдельные эпизоды и истории мелькают, как узоры в kaleйдоскопе, ничто их не объединяет, не связывает. Чего-то им не хватает, и я никак не могу постычь: чего именно?

Андрей также спускается в долину. С нами и чабан Гропницкого пастбища Василь Павлуко,

немолодой уже, немного сгорбленный человек в черной суконной шапке и меховой безрукавке, которую Павлуко не снимает даже в зной.

Павлуко понимает Андрея с полуслова. Когда тот сказал, что будем спускаться не ближайшей тропой, а над топком, чабан кивнул головой, хоть по той дороге до села в два раза дальше: «Вот, вот!» — сказал он таким тоном, словно туда можно лишь этим единственным путем. Затем оба помрачнели, замолчали.

Андрей, казалось, чем-то недоволен. С него что не сходит выражение озабоченности. У него такой неприятный вид, что даже неудобно с ним заговорить. О чем он думает?

Визуу виднеются дома с широкими крышами и открытыми верандами; у каждого дома высокая рига, набитая сеном. Дома стоят далеко друг от друга: один из них удобно разместился на берегу ручья, другой прижался к горе, а третий забрался чуть ли не на самую вершину. Улиц не видно. Вдоль берега, почти у самого ручья, выется садовая дорога. По ней мы и пошла.

Из-за деревьев вышел человек в темной накидке, в пестрых зингах шапка поверх узких брюк из белого полотна и в постолтах с выгнутыми, заостренными носами. Увидел нас, он нерешительно остановился и ахнул в низком поклоне, хотя между нами еще оставалось большое расстояние. Сверху с дороги на обочину, он стоял с зингой шапкой в руках и ожидал, пока мы пройдем.

Когда мы поравнялись с ним, он тихо и с какой-то доброй промолчал:

— Слава Инусу...

Но ни Андрей, ни чабан не ответили на приветствие старика, прошли, точно не заметили его. Один лишь я смущенно сказал:

Доброе здоровья.

Павлуко осуждающе посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Андрей, не оглядываясь, ускорила шаг и оторвался от нас на несколько десятков метров. Удивительно, всегда такой вежливый и чуткий,

он вдруг обнаружил непонятное пренебрежение к старому человеку!

Павлуко же, наоборот, продолжал идти медленно, но селая дала Андрею возможность побыть одному.

Старая от любияства, я спросил: — Что за человек прошел?

— А-а,— махнул рукой Павлуко.— Нехороший этот человек... Недавно по амнистии вернулся.

— Если Советская власть его простила, так он, может быть,— заметил я, чтобы рассеять чабану.

— Власть-то простила,— нехотю ответил он,— не вешать же его! Пусть ходит, а вот у людей душа к нему не лежит. Сынок его в банде состоял... Тогда, видите ли, не так, как теперь, было. Трудно приходилось. За то бы ни брался, бабда налетала и начинала людей загпугивать. Кому-кому, а Андрею досталось! Он у нас был комсомольским секретарем. Первым активистом... И вот сынок этого старика по указке отца совершил нападение на дом Андрея. Андрей, правда, не было, но жеву его... они там вешать думали. Андрей не видел, не шел до кости заставлял... Вот так они и начались. А ничего... сами видели, как старик расклинается...

«Вот так и началось.» Нет, это не было неоправданным. Но ведь рассказанное слышится с трудом, тем самым, с которым мы столько дней провели в горах! Нет, он не отмахивался— недаром в моем блокноте не осталось ни одного чистого листа. Знакомила с людьми, восторгали ими: любит их. А вот о себе словом не обмолвился. Я даже не знаю его фамилии. Неужели я ни на минуту не забывал, что он лишь мой проводник? Так вот почему все мои впечатления так разрозненные! Вель я каждый раз сбивался с главного пути на такие-то деревни, боюды, нехоженые тропки. А нужно было держаться за Андрея, не отставать от него, нужно было прислушиваться к его беседам с плотогонами, лесорубами, чабанами... До чего же удивительно иной раз поведением мы никак не можем понять их, не замечаю, что они рядом с нами! Может, не сами-то они ничего этого не замечают. Нет, им-то простило. А я должен был заметить.

— На повороте Павлуко вдруг остановился и тихо сказал:

— Здесь Андрей пождом. Он не любит, чтобы кто-либо грустил с ним вместе... Пусть сам посмотрит на могилу... И, присев на бревно, выброшенное на берег во время половодья, задумался.

Скоро Павлуко заговорил и, как бы углубляя мои мысли, начал рассказывать об Андрее. Сам Павлуко из другого села, но о жизни Андрея знает все подробности. Знает, как Андрей смышленостью учился водить плоты, как все лето проводил на пастбухах с чужими ошмак, как познакомился с веселой цокоухой Маричкой, которая впоследствии стала его женой, как вошел по горам копаючекое и как начал организовывать в селе комсомол... Смерть жены несколько надломил Андрея, он развалил их, не замечая, что они рядом с нами! Может, не сами-то они ничего этого не замечают. Нет, им-то простило. А я должен был заметить.

«Видел, но мало,— упрекал я себя и успокаиваясь.— Ничего, не все еще потеряно. Не прощаясь же с Андреем. Должен же сказать о нем доброе слово!»

— За поворотом послышалось голоса. Приложив ладонь козырьком ко лбу, Павлуко посмотрел в ту сторону.

— Здесь не дадут Андрею покоя,— заметил с легким раздражением.

Вскоре голоса послышалось виственнее. Как-то женщина прислала Андрея выполхотать ей кредит на строительство дома... Заходите завтра в райком, спросю ответа Андрей... Вместе нес и желаем. Будет у вас новый дом. Еще в нынешнем году справите новоселье. Ну, так оставяйтесь здоровы!

— Будете здоровы, Андрей!— сказала женщина и тихо добавила:— Желаю вам много счастья, Андрей...

Перевел с украинского А. СЕМЕНОВ.

Евгений КАРАСЕВ

Танкисты

Мы помним,

Как ветры сухие несли

— Земля,

Перемешанная с пороком, запах.

Мы помним:

В дорожной скрываясь пыли,

Громями неслись наши танки на Запад.

Танкисты

Из ликов смотрели на нас,

Мальчишек изобранных и боносогих.

Мы, мы, ни на ми не спуска с них глаз,

Стояли у самого края дороги...

Но мы не выдали скваз грохот боев,

Как жителя озабоченной Софии

Бросали на стани букеты цветов

И как целовали солдат из России.

Да, минули годы...

И мы подрастали,

Надели погоны, танкистами стали.

Тяжелые танки, купая в пыли,

Ведем на ученья в зеленые дали.

Спокойно глядя ребятишкам нам вслед

И, шурша от солнца, ручонками машут.

Ветвями березка,

Спустившись в ювет,

Броню проверяет уральскую нашу.

Родная земля,

Как нам дорог твой взгляд!

Своими силами по праву гордимся ты.

На страже свободы и мира стоят

Наследники славы гвардейской—

Танкисты.

г. Москва.

Август КОПЕЛИОВИЧ

Хорошо!

От колодез или речки
кто-то воду несет навстречу,
кто-то воду несет навстречу —
кормысло давит на плечи.

Но идет человек, улыбається,
солнце в ведре его купается,
солнце в ведре его купается
так, что наземь вода проливается.

Встретят — скажут: «Как поживаете!
Вот спасибо — с полным встречаете,
вот спасибо — с полным встречаете!»
Хорошо это,
поживаете!

от колодез или речки
людям с полным ити навстречу,
чтобы тяжесть давила на плечи,
чтобы все вокруг улыбалось,
чтобы солнце в глазах купалось,
чтобы солнце в душе купалось,
через край чтобы проливалось,
чтобы скавали: «Как поживаете!
Вот спасибо — с полным встречаете,
вот спасибо — с полным встречаете!»
Хорошо это!
Понимаете!

дер. Явско,
Витебской обл.

ВЕСЛИВАТЬ МОЛОДЕЖЬ В ДУХЕ ИДЕЙ НАШЕЙ ПАРТИИ

(К выходу в свет учебника «История Коммунистической партии Советского Союза»)

Теоретический коллектив ученых под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР В. Н. Пономарева подготовил новый учебник — «История Коммунистической партии Советского Союза». Книга выпущена в свет Госполитиздатом. Она содержит строго научное изложение истории нашей партии. В новой книге автор, руководствуясь указаниями XX съезда КПСС, преодолел алигменты нуля личности, навешивая место как «Кратком курсе истории ВКП(б)», так и в других работах по истории КПСС.

Характеризуя полонительную роль И. В. Сталина в истории КПСС и Советского государства, авторы учебника справедливо указывают на грубые нарушения ленинских норм партийной жизни, социалистической законности и советского демократизма, которые были в последние период деятельности Сталина. Будет личности мешала, личной инициативы масс. В книге показана борьба партии против культа личности и ликвидация его последствий во всех областях жизни советского общества.

В новом учебнике принята ленинская периодизация истории партии, данная Владимиром Ильичем в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и других работах. В связи с этим по-новому освещен вопрос о создании партии. Руководствуясь известным ленинским указанием о том, что большевик — это человек политической мысли и как политическая партия существует с 1903 года, авторы последовательно и четко провели мысль, что начало существованию партии нового типа — марксистско-ленинской революционной партии — было положено II съездом РСДРП.

Большое, принципиальное значение имеет глава, посвященная борьбе партии за развитие социалистической революции и укрепление Советской власти (июль-брю, 1917 года — 1918 год). Выделение этого периода в особую тему позволило более четко показать всемирно-историческую значимость Великой Октябрьской социалистической революции.

Более глубоко и всесторонне, чем в «Кратком курсе истории ВКП(б)», освещена в новом учебнике роль великого вождя и учителя трудящихся, основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина, более обстоятельно раскрыто значение ленинских работ в развитии научного коммунизма. Огромный интерес представляют разделы учебника, посвященные ленинскому плану построения социализма и коммунизма в нашей стране.

В учебнике внесены также другие исправления принципиального характера и ряд ценных дополнений. Ярко отражена великая всемирно-историческая миссия российского пролетариата, как создателя первого в мире социалистического государства; показана значимость принципов пролетарского интернационализма для победы социализма и коммунизма; более обстоятельно раскрыт тезис о единстве национально- и интернациональных задач рабочего класса в строительстве социализма.

Пять глав учебника посвящены жизни партии за последние два десятилетия. Это годы борьбы за укрепление и развитие социалистического общества: годы Великой Отечественной войны; послевойенный период, когда партия возглавляла борьбу трудящихся за восстановление и развитие народного хозяйства; пятилетие борьбы — с 1953 по 1958 год — за новый мощный подъем экономики страны, за завершение строительства социализма.

Заключительная глава учебника посвящена XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Там же, как и великий Ленин, его соратники и последователи, подчеркивается в книге, отстаивали и отстаивают теорию научного коммунизма, развивали и развивают ее дальше, применительно и по-новому современным условиям жизни международного пролетариата. Ярким примером творческого подхода и марксистско-ленинскому служат работы XX съезда КПСС и Н. С. Хрущева. И, руководствуясь указаниями XX съезда партии, ученые о мирном осуществлении двух общественных систем, обоснованы положения о возможности предотвращения войны с современными эпохой, о формах перехода и социализму в ряде капиталистических стран, о путях установления единства рабочего класса в условиях буржуазного строя.

Новый взгляд теория научного коммунизма внес XXI съезд КПСС, на котором были освещены также важнейшие проблемы, как вопрос о законности перерастания социализма в коммунизм, о путях развития хозяйственной и общественной жизни международного пролетариата общества в период развернутого строительства коммунизма и распределения материальных благ между нациями общества. Огромное всемирно-историческое значение имеют выводы съезда о возможности уже теперь, до полной победы социализма на земле, исключить мировую войну из жизни человечества, а также о более или менее одновременном переходе социалистических стран в высшую фазу коммунистического общества.

Новая «книжка» обратилась товарищу П. Г. Москатову с просьбой выступить на страницах журнала в связи с выходом в свет нового учебника по истории КПСС.

С ила Коммунистической партии Советского Союза состоит прежде всего в том, что во всей своей деятельности она руководствуется передовой, революционной теорией марксистско-ленинизма. Вышедший в свет учебник «История Коммунистической партии Советского Союза» содержит краткое изложение героической борьбы и всемирно-исторических побед трудящихся нашей страны, рассказывает о великих победах социализма.

История Коммунистической партии Советского Союза — это история советского народа и победы всего героического рабочего класса. Наша партия прошла свой исторический путь, равного которому не знает никакая другая политическая партия в мире. Годы борьбы против феодализма, помещиков и капиталистов, свершение Октябрьской социалистической революции, героические битвы в период гражданской войны и победы 14 иностранных государств, самоотверженный труд по восстановлению народного хозяйства после победы над врагами революции, индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, построение социализма — вот основные этапы этого славного, большого пути.

Своими успехами советский народ развел в прах клеветнические измышления буржуазии о том, что простые люди, люди труда, якобы не способны управлять государством. Созданных войной и трудовыми усилиями рабочих и крестьян могучее социалистическое общество — лучшее доказательство того, что трудовой народ может строить экономику и культуру без буржуазии, без эксплуататоров и тунеядцев, может с честью постоять за дело социализма.

Великая Отечественная война, годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства продемонстрировали величайшую силу и жизнеспособность советского строя. В послевойенные годы в особенно широких масштабах развилась тяжелая индустрия, освоено металлургия, энергетика, топливная промышленность. В наши дни фронт великих работ передвигается все дальше на Восток. На огромных просторках

между Уралом и Тихим океаном началось великое трудовое наступление. Огромная роль в этом наступлении отведена молодежи.

По призыву партии тысячи юношей и девушек отправились уже на Восток, чтобы принять участие в создании третьей мощной металлургической базы страны в Сибири, соорудить на могучих реках крупнейшие в мире гидроэлектростанции, построить более ста машиностроительных заводов, проложить новые тысячи километров железнодорожных магистралей, возвести десятки новых городов и поселков.

Коммунистическая партия всегда провала последующую заботу о воспитании трудящихся в духе социализма. Нужно было вести борьбу против буржуазной идеологии, анархической распушенности, аспитывать в людях высокую сознательность, дисциплину, организованность, пламенный советский патриотизм и интернационализм.

Это было дело трудным, кропотливым, требующим большой энергии и упорства. Для этого потребовалось ликвидировать неграмотность среди миллионлиного населения страны, создать школы, институты, университеты, сделать просвещение в стране доступным для всего народа, готовить кадры для всех отраслей хозяйства и культуры.

В советском обществе утвердилась новая, коммунистическая мораль, в основе которой лежит борьба за построение коммунизма. Вырос новый человек — пламенный патриот советской Родины. Новый облик наших людей ярко проявился в их подвигах как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевойенном социальном труде.

Теперь даже невозможно и сравнить старую Россию, где огромное большинство населения было лишено каких-либо духовных благ, с Советским Союзом — страной социализма, где созданы условия для развития способностей трудящихся, где проявляется забота о все более полном удовлетворении духовных и материальных потребностей народа.

В результате огромной воспитательной работы партии неизмеримо вырос культурно-технический уровень широкого рабочего класса. Миллионы рядовых труженников имеют семилетнее или законченное среднее образование. Крепнет содержание людей производства и науки. В промышленности и строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве содздалась многомиллионная армия новаторов — людей, овладевших техникой и упорно пополняющих свои знания, людей с широкой инициативой, стремящихся к совершенствованию производства, к новым достижениям, превышае все го ставших интересы государства.

Массовое техническое творчество, изобретательство, движение рационализаторов стали в условиях социалистической действительности неиссякаемыми источниками постоянного технического прогресса.

Недавно затронула партия о воспитании молодого поколения, которому предстоит понести дальше великое знамя коммунизма. Она воспитывает юношей и девушек в духе славных революционных традиций, прививает любовь рабочего класса, учит стойкости, мужеству, выковывает из них твердых бойцов, любящих труд, науку, не боящихся никаких трудностей.

В своей воспитательной деятельности партия опирается на многомиллионные массовые организации на Советы и их акты, насчитывающий десятки миллионов человек, на профессиональные союзы объединяющие свыше 52 миллионов рабочих и служащих, на девятнадцатимиллионную армию комсомольцев и комсомолок.

Партия подняла и сознательно трудовому творчеству миллио-

ны людей; огромной воспитательной и организаторской деятельностью она делала труд смыслом жизни широких народных масс. Труд на благо людей стал меркой ценности и достоинств советского человека. В нашей стране мы не делим труд на «благородный» и «низкий». Одухотворенной, творческой а самом глубоком смысле слова может быть работа сталеваля и писателя, шахтера и художника, полеводца и врача, камешника и инженера.

Советские люди выполняют свою гигантскую работу по строительству коммунистического общества частью общего дела международного пролетариата. Верная идеям пролетарского интернационализма, наша партия с честью выполняет свой долг ударной бригады международного революционного движения. Наша страна оказывает огромную бескорыстную помощь народам, идущим по социалистическому пути.

Чтобы успешно двигаться вперед, необходимо сделать идеи марксизма-ленинизма достоянием самых широких слоев народного масс: рабочих, колхозников, интеллигенции. Наша партия исходит из того, что идейная закалка миллионов труженников, рост их политической сознательности и культурного уровня, укрепление и великое дело строительства коммунизма умножат силы народа.

Изучение марксизма-ленинизма, изучение теории развития социалистического общества должны совершенствовать нашу практическую деятельность, помогать росту сознания людей, а это, в свою очередь, является необходимым условием полного расцвета советской экономики, дальнейшего

укрепления международных позиций нашей страны. Это главное, основой в идеологической работе нашей партии среди широких народных масс.

Вперед еще долгая, многообразная работа по дальнейшему коммунистическому воспитанию труженников. Но за короткий исторический срок уже сделано для перестройки сознания миллионов людей, для развития и обогащения их духовного мира, для упрочения новой психологии и новой морали, свидетельствует о силе величии мудрости нашей партии — вождя и воспитателя народа. Светлая мечта человечества благодаря вдохновенному труду миллионов советских людей превращается в действительность.

Коммунистическая партия — это ум, честь и совесть нашей эпохи. Партия добилась всемирно-исторической победы — политической и экономической. Она показала свою способность революционизировать умы людей, переосмыслить широкие массы, целые классы и поколения. Она сплотила десятки национальностей и народов, объединяющих в Союзный Союз, в дружную, братскую семью народов.

Советской молодежи выпало большое счастье быть активным участником строительства коммунистического общества в нашей стране. Но успешно справиться с этой задачей она может лишь при условии, если все воспитание, образование и обучение будут проникнуты идеями нашей партии, если молодежь будет хорошо знать законы общественного развития. Эти законы познаются лишь при углубленном творческом изучении марксистско-ленинской науки об обществе.

Для достижения этой цели молодежи должна неустойно изучать произведения В. И. Ленина, историю Коммунистической партии и быть убежденным провозгласителем ленинских идей с тем, чтобы строить свою жизнь по-ленински. Нашей молодежи необходимо всегда помнить, что в СССР не существует никакого учение есть вершина современной науки, оно служит для миллионов масс трудящихся руководством и действием. Вот почему советская молодежь должна не только настойчиво овладевать знаниями марксизма-ленинизма, но и уметь применять их на практике. Наша партия учит, что творчески работают лишь тогда, кто не только усваивает те или иные теоретические положения, но и руководствуется ими в своей практической работе, подкрепляет их жизненным опытом. В. И. Ленин в свое время призвал молодежь не просто учиться, но и усваивать науку сознательно, основательно, критически.

Решения XX и XXI съездов нашей партии служат ярким примером дальнейшего творческого развития марксизма-ленинизма и являются новым вкладом в историю научного коммунизма. Развитие XX и XXI съездами нашей партии теоретические положения имеют огромное политическое значение не только для КПСС, но и для международного коммунистического движения.

Огромное влияние партии на умы и сердца людей объясняется справедливостью, благородством и величием идей, начертанных в нашей партии. В основе марксизма-ленинизма благодаря неутомимой работе партии в массах овладели материальной и стали ныне могучей материальной силой, ускоряющей наше движение к коммунизму.

В тридцатых годах была издана книга о 45-й Волынской Краснознаменной стрелковой дивизии — летовце боевого пути прославленного соединения Красной Армии, созданного в 1918 году из действовавших на Приднестровье партизанских отрядов. В состав этой дивизии входила легендарная кавалерийская бригада Григория Ивановича Котовского.

В настоящее время книга является библиографической редкостью. В Книжнике она хранится в единственном экземпляре. Героическая гражданская войны Г. И. Котовского и С. Г. Лазо. В ней много фотографий бойцов и командиров соединения, героически проявивших себя в боях, много интереснейших, волнующих рассказов о тех незабываемых днях.

На одной из страниц книги под фотографией молодого красноармейца я прочитал: — бессарабск, красный партизан, красноармеец кавбригады Котовского, в декабре 1920 года был захвачен бандой Лыхо, зверски избитлен шапками, но остался жив. Сейчас занимается сельским хозяйством в селе Котляевка, Рабичинского района.

Как же сложилась судьба этого человека?

— Полк, в котором служил Алексей Иванович Тымко, еше в первые дни Октября перешел на сторону революции. Многие фронтальных дорог пришлось пройти сол-

Подвиг Котовца Тымко

дату, во многих сражениях участвовать.

Некоторые эпизоды изгладлись из памяти, кое-что забылось. Но никогда не забудет Алексей Иванович морозный декабрьский день 1920 года.

«По заснеженной проселочной дороге двинулся отряд из десяти красноармейцев. Впереди показались мадеиные домики села. На улице ни души, кругом царил мертвая тишина. И вдруг прогремел выстрел, раздался крик. Из засады выскочили белобандиты. Их было много. Красные бойцы схватили неравный бой, отстреливались, когда кончились боеприпасы, пустились в ход шапки.

— Славайтесь, все равно вам конец! — кричали бандиты.

Но красноармейцы не сдавались. В живых остался лишь один. Все израненный, прислонившись спиной к перевернутой повозке, он отбивался от бандитов шапкой. Силы оставались воина. Но в его груди билось горячее комсомольское сердце, и он решил драться

до последнего вздоха, ни за что не сдаться врагу. И когда, казалось, жить красноармейцу осталось несколько минут, он стал выстреливать мощной курткой. Банда петлюровского атаманчика Лыхо была сметена атаками красными конниками. Когда закончился бой, красноармейцы увидели такую картину: на земле, среди опрокинутых домов отряда котовцев, валялось более ста вражеских трупов, а у одной стоял, опершись на шапку, истекающий кровью боец. Это и был Тымко. Врачам удалось спасти его.

Отгремели бои на фронтах гражданской войны, и Тымко вернулся в родное село. Алексей Иванович был одним из организаторов «Товарищества по совместной обработке земли», из которого потом возник колхоз «Авангард». Старейший член артели, он не жалел сил и труда для процветания общественного хозяйства. Не было такого года, чтобы колхозник А. И. Тымко выработал более 400—450 трудовых.

Где бы вы ни побывали, с кем

были беседовали из его отселения, везде услышите об Алексее Ивановиче самым задушевные слова. Земляки относятся к нему с большим уважением. Алексей Иванович — член правления колхоза «Авангард», депутат Колбасинского сельского Совета. С особой любовью относится к старому комсомольцу колхозная молодежь. Часто можно наблюдать такую сценку: на крыльце сидит пожилой человек с седой головой, а окруживший его темный вал молодежи, вступая в разговор, с волнением прислушивается к каждому его слову...

Он очень мало похож на того воина-комсомольца, фотографии которого мы видели в поярженном от времени книге. Годы не изменили свой отпечаток на его лице. Но в минуты, когда старик котовец вспоминает свою боевую молодость, он весь как-то преображается, молодеет. Он становится, что жовия до радостных дней, когда народ приступил к разнервному строительству коммунистического общества.

— Никак не хочет уходить на пенсию, ублажает, говорит об Алексее Иваниче, что он есть колхоза тов. А. И. Левинский. — А работник он, надо прямо сказать, замечательный...

Так жинет и трудится солдат революции, один из первых армейских колхозцев, Алексей Иванович Тымко.

М. ЧЕРНЕГА

В. Чеканюк. Первая комсомольская лейка на селе.

Картины болгарских художников
с выставки произведений изобразительного искусства
социалистических стран.

Никола Мирчев. Допрос.
Живка Пейчева. Франкйская девушка.
Георгий Попов. Франкийсий пейзаж.

ВЕСНА ВЕСНА

У нас сейчас весна! Такая широкая, востановленная, чудесная... Она покорила землю, преобразила души людей, осветила горизонты. Да, весна! Вместе с партизанскими отрядами и советскими полками пришла и пятнадцатый лет назад в нашу родную страну и принесла счастье многострадальному болгарскому народу. Это весна трудового подъема и первая, верная ступенька политики Коммунистической партии.

Зайдите в любое село, и вы увидите десятки новых домов. Взгляните на поля, и вы почувствуете, как обширные кооперативные участки изменили лицо плодородной земли, положили конец вражде и раздорам. Поднимитесь на самолете и с подвальной высоты увидите с высоты города: там встали заводские фабричные трубы, которых не было несколько лет назад. Откройте двери школы или института, и вы узнаете, с каким упорством овладевает наукой молодое поколение. А когда на вечернем небе зажгутся звезды, посмотрите вокруг: разгону вечерней мрак, вспыхивают в окнах домов, дворцов культуры и клубов электрические солнца... Вот какова она, наша весна!

Пятнадцатый лет в истории человечества — ничтожно малый срок. Но в истории нашей страны по слове полтора десятка лет, полтора года, первый и упорства, составили целую эпоху. Наша кипучая действительность подтверждает бессмертные слова Маркса о том, что пролетарская революция открыла такой великий период, когда один день можно будет приравнять к двадцати годам.

Сбросив ярмо буржуазии, народ Болгарии уничтожил капиталистическую систему хозяйства. Об эксплуатации человека человеком наши дети узнают лишь из учебников и художественной литературы. В стране утвердился новый, социалистический уклад жизни, народ, который на протяжении столетий видел больше горя, чем радости, стал хозяином своей земли.

Развивается промышленность, вырастают новые предприятия, крепнут металлургия, химия, машиностроение. Неизменно изменилась культурная жизнь страны. Взять хотя бы годовой тиражи книг: двадцать лет назад он составлял 4 424 тысячи экземпляров, а в 1958 году поднялся до 23 790 тысяч.

Коммунистическая партия указывает нашему народу путь к великому и светлому будущему. В борьбе за это будущее чудеса героизма показывают наша молодежь.

Партия сказала: каждый юноша и каждая девушка должны принести участие во всенародном движении за выполнение пятилетки к 3—4 года, за решительный подъем нашего социалистического хозяйства, а тем самым и за со-

здание материальной предпосылки для всенародного процветания...

Слова Коммунистической партии — закон для молодежи.

Она — наша молодежь — не может жаловаться на то, что ей не хватает романтики. Правда, сейчас нет борьбы с фашистами, нет дерзких схваток с врагом, но наши дни наполнены романтикой сознательного труда — труда во имя процветания Родины, во имя счастья людей.

По примеру советских друзей молодые болгары развернули широкое движение за создание коллективов ударного комсомольского труда. Этот патристический почин поддержали уже 560 бригад. 812 комсомольцев Ловечского завода выполняют сменное задание не за восемь, а за семь часов. Молодежь Сухиджод-Варна только за первое полугодие 1959 года дала продукции больше, чем за весь 1956 год. Комсомольские организации Софии, Димитрова, Пловдива, Димитровграда обязались добиться выполнения годовых производственных планов к 9 сентября — Дню свободы.

Успехом вехи зима в болгарской деревне была порой тишины. Но нынешняя зима нарушила старые обычай и привычки: на полях работали молодые заботливые хозяева, не смолкали песни. И вот в Сельские комсомольцы решили также вести массовое культурное строительство в деревне.

В культурный поход включились все комсомольские организации. Увеличилась продукция во лето работает в строительных бригадах. Это новое мероприятие в системе образования призвано связать науку и жизнь, теорию с практикой. Молодежь нашей страны имеет неограниченные возможности для получения образования, повышения своего культурного уровня. Для нее нет ничего недостижимого, перед ней открыты все дороги. И она искренне благодарна родной Коммунистической партии за посевную заботу. Вот что пишет молодой рабочий Б. Хаджиев:

«Я родился в 1941 году. Отец мой погиб, когда мне было три года. Мать не имела возможности воспитать нас, троех детей. Но нас позаботились народная власть. Вторым мамой стало общество в Благоевграде, где я провёл пять незабываемых лет. Окончил я семь классов и поступил на электротехническое отделение промышленного училища в Софии. За три месяца до окончания

ОБ ОДНОМ ПОРТРЕТЕ Г. М. ДИМИТРОВА

Публикуемый фотопортрет Г. М. Димитрова был сделан в 1936 году, через два года после того, как Москва встретила великого сына болгарского народа, вырванного из рук фашистских палачей. Это радостное событие широко отмечалось в семье Димитровых на второй день рождения Георгия Михайловича. Автором снимка является крупнейший советский фотоджурналист М. С. Нанпелаяшвили, создавший широко известные портреты Ленина, Дзержинского, Горького, Уаласа, Шалгина, Станиславского.

В последние годы нам часто доводилось общаться с имне покойного М. С. Нанпелаяшвили. Вот что рассказывал фотопортрет о том, при каких обстоятельствах он снимал Георгия Михайловича: «... Когда мне позволили и позволили приехать в подмосковное село Волниное, и я радостно согласился, Простота и сердечность, с которыми встретил меня хозяин дома, сразу же покорили меня. Поздоровавшись со мной, Георгий Михайлович пошутил-поусердничал, заметил, что при всем уважении ко мне он не пригласил бы меня с аппаратом, если бы не настоятельная просьба друзей. «Я не люблю фотографироваться, да вот заставляют это делать».

Георгий Михайлович настоял на том, чтобы прежде всего я вместе со всеми сел за празднично убранный стол. И только после обеда, когда все перешло в другую иномату (насколько мне помнится, среди гостей были Вильгельм Пин, Пальмиро Тольятти и другие видные деятели международного рабочего движения), и наконец смог заняться фотографированием. Сначала сделала групповой снимок, а затем несколько раз сфотографировал самого Димитрова...»

Нам остается добавить немногое: канцелярский портрет встав над письменным столом Г. М. Димитрова до последнего дня жизни этого выдающегося деятеля международного рабочего движения.

М. ДОЛГИНСКИЙ, С. ЧЕРТОВ

училища умерла моя мать. Я потерял родителей, но руки Родины поддержали меня. Братья мои окончили техникум в Димитровграде; один из них сейчас в армии, другой работает. В настоящее время я работаю в городе Катунци. Спасибо партии за все». Эти лаконичные строки, за которыми встает судьба молодого человека, лежат на погребаль-

Весна! Широкая, властная, чудесная... Она овладела умами и сердцами людей — весна нашей новой и счастливой жизни. Мы идем под одним знаменем с народом Советской страны, у которого учимся и который всегда бескорыстно и щедро помогает болгарскому народу.

Л. МАТЕВА,
болгарская журналистка

ОТЪЕЗД

Рассказ

Рисунок Ю. Ракутина.

Поговорив полчаса во-круг да около, встав начал нервничать из-за недогадливости профессора, Вера наконец собралась с духом и сказала: — Но если я приеду с письмом от кого-нибудь... И в этом письме я пишу — три слова... Я, конечно, не в смысле рекомендации, а просто так... Она запнулась и, покраснев, смолкла.

Профессор В., шутливый, хитрый старичок с острой бородой, давно догадался, куда гнет девушку, но ему было приятно глядеть на ее юное, свежее лицо с ямочками на щеках, на ярко-белые зубы, которые она, по-видимому, охотилась показывать.

Он усмехнулся и спросил: — Так вы хотите, чтоб я написал письмо этому... вы как будто сказали... инженеру Христу, не так ли?

— Да, Христу. Он, кажется, ваш бывший студент.

— Да, да, напоминаю. Он... Да, и его отсюда помню!

Судя по выражению его лукавых глаз, он ничего не помнил, но Вера была слишком возбуждена, чтоб это заметить. Став по окончании института инженером, она получила назначение на далекую струю, где начальником был этот самый Христос...

Профессор продолжал глядеть на нее с усмешкой.

— Раз уж так требуется мое письмо, я напишу его. Право тут же возьму и напишу! — И поскольку ему не хотелось портить девушке настроение, он не стал говорить, что это едва ли поможет ей.

Вне Вера надеялась, что письмо профессора послужит ей защитой от опасности погубить безвозвратно на каком-то заброшенном объекте лучшие годы молодости. Ведь она уже свыклась с совершенно иным представлением о своем будущем!

Вера воспитывалась у тетki — известного академика, руководителя научно-исследовательского института. И Верины товарищи и профессора, как и сама она, не смевались в том, что ей обеспечена научная карьера. Правда, тетka — женщина немужьянина, строгая и рассудительная — ни слова не говорила. Тем не менее Вера рассчитывала, что тетka пристроит ее возле себя: ведь с родственниками поступают только так, это само собой разумеется.

Но вот институт окончен, Вера получила диплом, прошло после этого несколько месяцев, а тетka

продолжала молчать и палец о палец не ударила ей в помощь.

Заручившись письмом профессора, Вера смирилась с отъездом на строительство железнодорожной линии. Теперь ей оставалось лишь скоротать оставшиеся три дня.

«Дура сильней веры, растаплила по крышам домов синеватый дым. Вере надоело гулять по улице, но домой возвращаться рано тоже не хотелось. Она пошла в кино, однако ничего в фильме не поняла: голова была занята другим. Все еще не верилось, что через каких-нибудь три — четыре дня она окажется в незнакомом месте, среди незнакомых людей и что во всей ее жизни наступит какая-то перемена.

Следующий день Вера провела дома. Часто звонил телефон, но она не отвечала. Ее искали друзья: узнали, что она уезжает, и, вероятно, хотели проводить. Вера предпочитала, чтоб ее не провожали. Не потому, что это были плохие ребята, просто Вере не нравилось, что они без конца объясняли ей в любви и упорно добивались, чтобы она отвечала им тем же. Но она никого не людила, редко соглашалась ходить с кем-нибудь в кино или в театр и всегда потешалась над друзьями, когда они делали многозначительные намеки и обещали ей золотые горы. И еще по одной причине Вера старалась избегать встреч с ними. Они были осведомлены о ее намерении стать научным работником, открытием заводилась ее связям. И вдруг сказать им: приходите провожать меня на вокзал, я уезжаю... Никогда! Она рассеянно слонялась по комнатам, неумятая, сонливая, чувствуя себя самым несчастным человеком на свете...

Так прошла большая часть дня. Но, поскольку человеку свойственно пещаться чувствами, Вера незаметно стала успокаиваться, и в конце концов даже повеселела. Стараясь представить себе свой будущий строительный объект, она с неожиданным легкомыслием говорила: «А, да что там, как-нибудь устроюсь!» И ей стало приятно оттого, что в ее характере, если бы была мужская сила, это несколько позабылось. Склонившись над зеркалом, Вера убрала из затылок волосы, чтоб представить, как бы она выглядела, если бы была мужчиной.

Но хорошее настроение продлилось недолго. Через полчаса

одного из своих многочисленных поклонников — Витю. Это ее немного расдосадовало. Он имел привычку говорить о людях, что они непорядочны, бездарны, мелочны — все то, в чем, по-видимому, был грешен сам.

«Скверно, скверно!» — сказала он вместо приветствия, ухлынув ей в глаза и омыв губы, глядя на нее, словно ей обязательно — Никто из нас настоящим инженером не стал. Поздно мы поняли, что пошли не по тому пути.

Вера с неприязнью смотрела на его блестящую, равно ослепленную голову. Когда он начинал причитать, она обычно молчала. Но на этот раз выдержала и резко и внятно заметила:

— Некоторые действительно поздно поняли! — И так как он по-прежнему глупо усмехался, продолжая в сердцах: — Что касается меня, то и сейчас глупо, вместо настоящего инженера на стройке! Несмотря на то, что, будь у меня желание...

Тут она вспомнила про письмо, которое дал ей профессор, и смутлась. Витя от неожиданности заморгал глазами, но она уже не обращала на него внимания.

— У кого есть талант, тот устраивается помысл! — меланхолично проговорила она. — Только так, как мы, останься!

«Как мы!» — со злобой подумала Вера. Значит, он считает, что она несколько не лучше его?

Я тоже твержу, что присутствия других, что ужасно счастье, что наконец сблался моя заветная мечта... и прочее, прочее, — сказала он, повесив голову, потом, вздохнув, заговорил о предстоящем Веринем отъезде и стал просить, чтоб она разрешила проводить ее.

— Об этом еще рано беспокоиться! — неопределенно ответила Вера. — А сейчас, извини, я спешу.

Но вечер она собрала вещи и стала примерять свой дорожный костюм. Очень к ней шла грубоватая спортивная куртка, которая не только не скрывала, а, напротив, подчеркивала женственность ее маленькой фигуры. Глядя на себя в зеркало, Вера вспомнила сегодняшний разговор с Витей.

Она представила его дрыбное, морщинистое лицо, покоее на лицо смуха, и, вздохнув от отвращения, отошла к окну. Перед ее глазами быстро менялся величественный пейзаж Витюши. Только что вершина гор сочноно сияла. Но вот из-за горизонта надвинулись темные тучи и погасили солнце. Гору поносили, намури-

приняла в ее работу тетka, и Вера увидела в ее руках только что вышпуненую книгу профессора В. В первое мгновение девушка слабо смуталась, но потом успокоилась, решив, что книга случайно попала в теткин руки. Ужасная молча, и в этом еще не было ничего тревожащего: она никогда за ужном не заводила разговор. Но потом, когда тетka вышла в переднюю куртку, Вера заметила сделанную на книге рукой профессора дарственную надпись...

С этой минуты она уже не знала, как себя вести. Тетка пришла усталая. Это было видно по ее глазам, по табачному пыли, пригашенному к тентному костюму мужского покрою, по растрепанным волосам, которые, не считаясь с годами, никак не хотели сидеть. Она молча курила, и ее модаице смуглому Вере. Глядя с виноватым видом на тетку, Вера заговаривала о погоде, о дожде, о ботинке, о множестве других пустяков. Старая женщина кивала, говорила «да», «нет», пожимала плечами, кашляла, смотрела поверх, а Вера, как всегда, смотрела вперед, однако Вере казалось, что тетka, желая ее помолчать, нарочно оттягивает разговор о главном.

Так прошло несколько минут, а тетка прошептала Вере, что в течение которых Вера то и дело сжимала челюсти, боясь выдать свое волнение. Теперь она не сомневалась, что тетka ушла о рекомандательном письме. Вера затежала высказывать все свои обиды, и она уже была готова обрушиться на родную тетку с упреками за то, что тетka отнеслась к ней не по-родственному, что, возмущенная, дождавшись ее, она обременила себя добродетелями. Тетка продолжала молча курить.

Глядя на нее и с трепетом ожидая неприятного разговора, Вера вдруг вспомнила, что в детстве ей часто приходилось сидеть перед теткой и крипеть, потому что эта умная, аристократическая женщина знала все и то, в чем Вера ей сознавалась, и то, что скрывала. Тетка неотрывно смотрела на племянницу вытмыгивая, полными горечи глазами. Вера съезжалась под ее взглядом, предчувствуя беду, но тут тетka встала, взяла книгу и, не сказав ни слова, таже, таже, шагала к двери.

Решив немедленно уехать, Вера утром помчалась в железнодорожную кассу и купила билет на очередной поезд, отравляющийся в девять часов следующего дня. На обратном пути она встретила

льс. От снежных вершин лоевель холдом.

В комнате было тепло, в вечернем сумраке неседали предметы, таяли картины. Вера вдруг с острой силой почувствовала, как тяжело ей расстаться с этим теплым и удобным жилищем.

Примерно то же Вера думала и на следующий день, два часа спустя после того, как приехала в небольшой провинциальный городок. Она шла одна под дождем меж двух рядов старых, мокрых, унылых домов и до того расстроилась, что не заметила самого главного здесь, в этой долине, где она выросла весна. Среди голых ветвей алычи трепетало едва уловимое взмуролое сияние, от которого распространялись запахи земли и молодой травы, а у забора расстелились какие-то кусты.

Вера уже побывала в строительном управлении — в одном из стандартных барачков; там ей сохотелось распространить запахи детства и молодости, а у забора расстелились какие-то кусты. Вера уже побывала в строительном управлении — в одном из стандартных барачков; там ей сохотелось распространить запахи детства и молодости, а у забора расстелились какие-то кусты.

— Фамилия начальника строительства Христов, верно?

— Да, — ответила оборванная рободой женщина.

Она обещано вздохнула.

В этом незнакомом городе ей теперь нечего было делать, и, узнав, как добралась до объекта, она вернулась на стацию.

Ее устроили в тамбуре рабочего поезда. На несложавшейся написти поезд шатался, как пыльный скрепел и содрогался, словно трогались пересечь голую равнину, раздвоенную на черные и зеленые квадраты, с разнонаправленными дорогами и одинокими раскидистыми деревьями. Сгорбившаяся на твердом сиденье, Вера смотрела в синие дали, уже подернутые туманом, как туман, сумраком, и видела родную Софию, свою светлую комнату, вдыхала аромат любимых духов... Но иллюзии рассеивались, и ей становилось невыносимо жаль себя.

В Койнов Ваир поезд прибыл, когда уже стемнело. На стацию было пусто и безлюдно. Не теряя времени, железнодорожники сформировали состав из порожних вагонов и подались обратно в город.

Пока они работали, на стации не появлялся ни один человек со стороны. И лишь когда окутанный паром поезд отошел от платформы, откуда-то извлекся в россыпь взоросневший мужчина в стеганке; помахав железнодорожникам

рукой, он начал делать на оставленных вагонах какие-то пометки.

Увидев Веру, мужчина в стеганке спросил со слабой улыбкой, кто она и что здесь делает. Она была чрезмерно любезна и назвала себя единственным представителем управления на стации.

— Я заместитель начальника строительства по хозяйственной части, и если наша дружба, которая начинается столь необычно, — говорил он, все было объяснено, но Вера, прервав его, сухо спросила:

— Где начальник?

Мужчина обижено хмыкнул и, выткнув руку в сторону дороги, сказал:

— Если вам нужен начальник, топайте в этом направлении.

Ей хотелось аргументу его, что он болтун, но она сжала губы и решительно зашагала к переезду, не обращая внимания на грязь и лужи.

До объекта былое километра! — бросил ей вслед мстительный вздох.

Вера шла, не останавливаясь. Воздух была грязь, моросил дождь. Через полчаса она заметила в стороне от дороги мигающий огонек, долго брела к нему по полю, пока не приблизилась к какому-то явезу. Над огнем склонился человек. Пылая заливамо кроваво-красным светом его лица, грудь. Он шуряла гласа, пытаясь разглядеть подошедшую девушку.

— Кто это?

Новый инженер, — сказала Вера и смуглилась.

Человек не ответил. Это был широкоплечий мужчина в стеганке, как и захов. Теперь свет ладал на него сверху, и вокруг его курчавой головы образовалось золотое сияние. Лицо мужчины, оказавшееся в тени, трудно было разглядеть. Над огнем что-то закинуло, зашипели голосеици. Он быстро наклонился к большому черному котлу и снял крышку. Захалло бобами, и Вера вдруг почувствовала, как она проголодалась.

— Почему вы стоите под дождем? — сказал мужчина. — Идите сюда! Здесь есть ежамежка, можно сесть.

Вера послушно вошла под навес и села на скамейку.

— Значит, вы новый инженер? — спросил он помешанной большой деревянной ложкой содержимое котла. В облаке пара лицо его казалось большим и крупным, словно окутанная мглой луна.

Хорошо, хорошо...

В эти слова он вкладывал едва ли больше простого желания что-

нибудь сказать, но Вера вдруг взяло зло: усталость истощила ее нервы.

— Что же тут хорошего? Я пришла давно, а где буду спать, никто не знает! Кому представляться — неизвестно! Ищу начальника — не могу найти! Скозь землю провалилась, что ли? — Заподозрив мысль, что она ругается, может быть, невинного человека, заставила ее остановиться. — В самом деле, я никогда не предполагала, что здесь такая хаос... Извиняйте.

— Так, так... Скажи пожалуйста, хаос!

Мужчина вытаскил откуда-то зеленую эмальированную миску и начал ее споласкивать бобовым отпаром. Затем он обернулся к Вере и, видимо, хотел что-то ей сказать, но вдруг, хлопнув себя по губам, с приторной тревотой в голосе спросил:

— Послушайте, а вы не знаете, когда а бобы кладут душ?

Вопрос был настолько неожиданным, что Вера заморгала глазами. Он рассмеялся.

— Признаться, вы меня приняли за повара, не так ли?

— А я вы разве не повар? — удивилась Вера.

Он рассказал, что утром повар заболел и его отвезли в больницу. Невозможно было тут же найти ему замену, и, когда наступило время обеда, все доняли, у кого на стройке самая ответственная должность.

— И, поскольку я всю жизнь втайне стремился везде быть первым, я решил не упускать случая. К тому же вышло так, что свободнее меня сегодня никого не оказалось.

Говоря это, он извлек из походного мешка десертку лукуми, сложил их возле миски, вынул карманный ножик и начал чистить. Времени от аремии минутная задавала вопросы: ему лично хотелось выглядеть благовоспитанным, Вера отвечала, но так как при каждом ответе ей приходилось вспоминать подробности жизни, которую она оставляла, сердце ее томилось от обиды и сожаления. Все же Вера понимала, что ей нельзя рассчитывать на сочувствие, поэтому была не слишком откровенна и лишь откровенно давала понять, что она не просто инженер и что ей стоить только пошевелить пальцем... Речь ее изобиловала именами знаменитых академиков, профессоров, намекая на то, что со многими из них она на короткой ноге.

Мужчина слушал ее внимательно и, расчувствовавшись, она

чуть было не пожаловалась ему на бесцерберность и эгоизм своей тетки, но вовремя овладела собой и замолчала.

Вопросу профессора больше не задавала. Порывав лук, он высматривал его а котел. Затем, подумав немного, попросил Веру посмотреть в лоток и в непрозрачном марке, который со всех сторон подступал к трещащему угремю котра.

— Вера увидело легкое прикосновение чей-то руки. Она встала и виновато улыбнулась, а тот же миг ног у нее подкосились, и она опята села.

— Хотите ужинать? — приветливо спросил знакомый голос. — Бобы готовы!

Вера покочала головой.

— Мне очень хочется спать.

— Я могу сейчас же отвести вас спать, но вы пожалуйста: бобы получились на славу! Изза них я как и задержусь.

— Спать... — повторила Вера.

Он пожал плечами.

Дождь перестал. Сделав несколько шагов по вязкой глине, она вышла на мощеную шляком дорогу.

Когда глаза привыкли к темноте, Вера увидела силуэты типовых барачков и удивилась, что они были так близки.

— Следую за ним, Вера вошла в барак.

— Это ваша комната! — Он достал спички, зажгет свечу и, пожелав спокойной ночи, вышел. Вера подошла к кровати, оторнула одеяло. Рука ее коснулась отсыревшей простыни. Разлевишись и погасив свечу, она юркнула и поспал, еще раз вспоминая повара, только подумала о письме профессора В. и уснула...

Утром небо было ясное, голубое. Глядя на небо, Вера создала себе, что уже давно не видела его таким голубым, как сегодня. Она спросила у какого-то рабочего, где можно найти начальника, и, выслушав объяснение, уверенно зашагала по гаревой дорожке. После холода дождливой ночи светлое, солнечное утро успокаивающе действовало на Вера.

Из кабинета начальница доносились громкие голоса. Вера решила, что неудобно входить, когда там есть люди, и присела на скамейку у входа. Ждать пришлось довольно долго. Наконец дверь открылась, и в коридор вышли двое мужчин, которые посмотрели на нее не без любопытства. Вера не обратила на них внимания. Прежде чем встретиться с начальником, она старалась вернуть себе вчерашние настроения, возбуждая гнев.

Нахмурившись, Вера постучала в дверь и вошла к начальнику. Навстрив нее за столом сидел испаренный повар. Низкого другого в кабинете не было. Повар смотрел на свою вчерашнюю знакомую с улыбкой. Вера покраснела и подумала, что произошло какое-то недоразумение, неуверенно поздоровавшись.

— Доброе утро! Я хочу видеть начальника строика.

— Я начальник! — с удивлением услышала она его ответ. — Приятно еще раз познакомиться с вами... Садитесь.

Она направилась к столу и, нащупав в кармане профессорское письмо, смяла его.

Переве а БОГАРНИЧ.
А. СОБОРНИЧ.

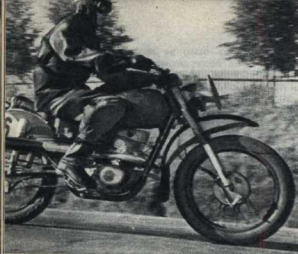
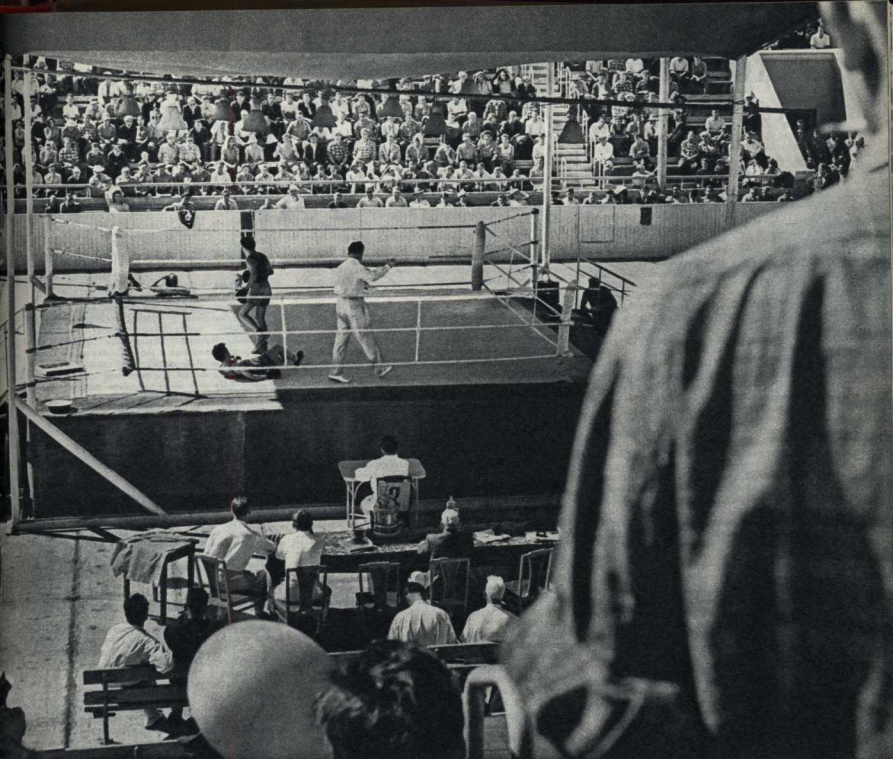

Фото А. Вочкина, М. Мураева и Н. Ткаченко.

ФИНИШ

У московских болельщиков в привычку вошло выпускать на стадион голубей в честь спортсмена-победителя. Как только по радио объявят его имя, в воздух тотчас взмывают легонькие птички. В августовские дни над Лужниками с утра до вечера реяли в небе целые стаи этих востинных побед. Здесь, на Центральном стадионе имени Ленина, шел финиш Второй Всесоюзной спартакиады народов СССР, в которой участвовало сорин миллионной. Эта цифра — лучшее свидетельство массовости спорта в Стране Советов. В Москву приехали представители 43 национальностей. Мы увидели способных гребцов из Таджикистана, которые начали тренироваться лишь несколько лет назад на Варзобском водохранилище, и замечательных ватерполистов и волейболистов Азербайджана, где спорт — родинка Советской власти...

Были здесь и команды, которых мы не видели на Первой спартакиаде народов СССР в 1956 году. За последние годы родились тысячи новых физкультурных коллективов на заводах, в колхозах, институтах. Сюда пришел настоящий, большой спорт. На Вторую спартакиаду в Москву приехали штангисты Маг-

СОРОКА МИЛИОНОВ

нитогорского металлургического комбината и их соперники — силачи Крайгольской мануфактуры из эстонского города Нарвы. На подмосковной шоссейной трассе встретились команды гонщиков Львовского велозавода и армянского села Мргашат.

Десять всесоюзных и 154 республиканских рекорда установлено в дни Спартакады. Много это или мало? Венгерская газета «Нил спорта» писала по этому поводу: «Хотя на Второй спартакиаде народов СССР меньше всесоюзных рекордов, чем на Пароке, это вовсе не значит, что уровень ее ниже. Средние результаты по всей стране выросли во много раз. Это залог дальнейшего безостановочного прогресса».

Что такое «средние результаты по всей стране выросли»? Это значит то, что было три года назад по плечу одному — двум, стало сегодня достоянием десятков; то, что было по плечу десяткам, стало достоянием тысячам. Добавим к тому же, что большинство республиканских рекордов находится сейчас на высоком уровне международного класса.

Имя же чемпионы Спартакиады? Кто смог выдержать многодневную борьбу и в трудной фи-

нальной встрече завоевать первенство? Это прежде всего наши православные мастера, в чью честь не раз звучал Гимн Советского Союза за рубежом. В упорной борьбе с Юрием Титовым выиграл абсолютное первенство по гимнастике знаменитый Борис Шахлин. В отличном стиле победил в финальном забеге на 10 тысяч метров колесовой и энергичный спортсмен Петр Болотников. Он показал также лучшее в мире время этого года в беге на 5 тысяч метров — 13 минут 42,8 секунды. Ворен себе оказался на Спартакиаде замечательный легкоатлет Семен Рмищин, показав лучший результат в беге на 3 тысячи метров с препятствиями. В упорных схватках с командами союзных республик выиграли первенство столичные баскетболисты — герои Сант-Юто и Стамбула. Нельзя упомянуть о рекордсмене топчере прославленного штангиста Руольфа Плюмфельдера — шкатора из Кемерово. Он поднял вес 176,5 килограмма, побив мировой рекорд американца Джима Джордана. Но не успели стихнуть аплодисменты зрителей, как и штанга пошла слезарь из Подмосквы Василий Петов и, пребывая в кней еще 500 граммов веса, сумел толкнуть 177 килограммов!

Еще теплее встречали болельщики наших новов в списке победителей. Восемнадцатый — двадцатилетние чемпионы — надежда и гордость нашего спорта. Таковы Валентин Кузьмин — рекордсмен Союза в плавании на 100 и 200 метров стилем «баттерфляй», ленинградка Валентина Шапурнова — чемпион по прыжкам в длину, студент Киевского университета Игорь Петренко, взявший в прыжке с шестом высоту четыре с половиной метра. Своей наступательной, энергичной манерой игры в настольный теннис покорил зрителей тринадцатилетний школьник Геннадий Аверин. Молодая ленинградская спортсменка Ирина Пресс добавила и золотой медали своей старшей сестры, Тамары, собственную золотую медаль — за победу в пятиборье.

Спартакиада народов СССР закончена. В результате соревнований по 22 видам спорта впервые была команда Москвы. На втором месте — сборная команда края, области и автономных республик РСФСР, на третьем — команда Ленинграда, на четвертом — Украинской ССР.

В своем приветствии Циркулярному Комитету КПСС участвующие Спартакиады заявили: «Наша Спартакиада

— яркое свидетельство новых успехов советского спорта — спутника молодых, неустрашимых, сильных духом и телом строителей коммунистического общества».

А. ШАКИН

Слева на снимках:

1. Кольцевал гонка. На дистанции.
2. Участница соревнований по прыжкам в воду минская школьница Валя Гордеева.
3. Полуфинальный бой Е. Череповский (Украины) — М. Сахнадзе (Грузия).
4. Спринтер Галина Попова — обладательница трех золотых медалей.
5. Мастер спорта Татьяна Куликоская.
6. Белоруссия — РСФСР. Хороший удар!
7. Теннис. Кто снажет жребий?
8. Победитель забега Оозлин на линии финиша.

С ними и вверху: На соревнованиях по боксу.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: призеры «СМЕНЫ»!

Владимир ЛЮБОВЦЕВ

БОЛЬШОЙ ГАЙ

В Лукнинках спущен флаг Второй спартакиады народов СССР. Позади четырнадцать дней упорной спортивной борьбы. Подсчитаны метры, секунды, очки. Мы уже знаем имена победителей. Среди них есть олимпийские мастера, не раз защищавшие честь советского спорта за рубежом. Но гораздо больше молодых. Да, молодые звезды на Второй спартакиаде от старта до финиша.

Накануне соревнований редакция «Смены» устроила первую для самых молодых чемпионов. Теперь они определены: это абсолютная чемпионка по гимнастике среди девушек Люса Петухова и рекордсмен Союза ловец Валентин Кузьмин. Кто же эти девушка и юноша, впервые в истории вставшие на подиум победителю, каков был путь в большой спорт?

Для Люсы Петухова он начался еще в школе, когда ей было тринадцать лет. Тонкая, угловатая девочка удивляла и радовала своей необыкновенно гибкой и изящной фигурой. Но главное, что в ней привлекало, — самозабвенная любовь к гимнастике. Она могла часами не выходить из спортзала, десятки раз повторить одно и то же упражнение, но боли в руках занимать не считала.

Люса прогрессовала быстро: а пятнадцать лет — первый разряд, в шестнадцать — мастер спорта. «Вот теперь-то начнем работать по настоятельному!» — сказала тогда Люса тренер Леонид Васильевич Волков. Люса училась, а в время в машинностроительном техникуме. Времени было в обрез, но тренер не помнит, чтобы она пропустила хотя бы одну тренировку.

На Второй спартакиаде Люса Петухова выступала за команду Москвы. 72,9 балла — этот балл ее результат в многоборье. На этой раз ее не подвел даже самый «нелюбимый снаряд» — конь. Люса прыгнула отлично. Восемнадцатилетняя москвичка стала чемпионкой Спартакиады.

Ее сверстник Валентин Кузьмин вырос на окраине Москвы, в Кожухове. Для всех здешних ребятишек центром спортивной жизни всегда был бассейн недалеко от автозавода имени Лихачева. Когда-то пришел сюда тринадцатилетним паренком и Валя Кузьмин. С тех пор вода стала для него словом родной стихией. Валентин начал заниматься под руководством опытного тренера и чуткого педагога Валентина Николаевича Капустина. Сначала плавал брассом. Время показывал неплохое, но лучше было плыть.

Уже будучи студентом электромеханического техникума, Кузьмин задумал освоить новый, более сложный стиль плавания — баттерфляй.

— Ну что ж, — сказала тренер, — попробуем! Только придется потрудиться.

Валентин приходил в бассейн по шесть раз в неделю и каждый раз — по четыре часа. Ноде. Руки набрали силу, тело стало гибким, послушным, движения — отточеными. Все меньше и меньше времени требовалось плыть, чтобы преодолеть стометровую дистанцию.

Долгие часы тренировки, сказавшиеся во время финальных заплывов на Спартакиаде. Валентин сумел не только опередить соперников, но и улучшить рекорды Советского Союза. Сто метров он проплыл за 1 минуту 3,4 секунды, а двести — за 2 минуты 24,4 секунды.

Если бы несколько месяцев назад вы захотели узнать у жителей Оренбурга, что такое Гай и как туда добраться, то, пожалуй, лишь трое — кто-то бы из ста сумели бы вам ответить.

Задайте этот вопрос сегодня, и вам ответит любой: «Гай! Это ударная комсомольская стройка крупнейшей в стране горнообогатительного комбината. Сядете на попутную машину — доведет».

Много в степи дорог. И прямых, как стрела, и петляющих среди оврагов, холмов. От Орска и Иртыша, от Новотроицка и Хандыки, от Кутузовки и Медногорска по дорогам идут машины. Гудят тяжелые «ААЗы», «ЗИЛы», ковыляют бульдозеры, переваливаются экскаваторы, подкаивают на выбоинах проворные «газики», ачички, желто-красные автобусы. Дороги ведут в Гай.

Кто он был, этот фантазер и мечтатель, назвавший гаем — рошей — холмистую степь, по которой бегут лишь седые волны ковыля, степь, где на десятки километров нет ни деревца.

На горнозале встают контуры буровых вышек. Значит, уже недалеко. И вот машина вырывается на гребень холма. Под ветром плещут перуа палаточного городка, поднимают свои ажурные стрелы краны, белая, завалившая гаем — рошей — холмистую степь, по которой бегут лишь седые волны ковыля, степь, где на десятки километров нет ни деревца.

Дороги сливаются в одну, широкую, скакающую и так мряет под голубую арку, нелегкую передаться шагу на границе будущего города. Это ворота Гая, всегда открытые для каждого, кто хочет быть полезным, кого ведет сердце на передовую рубеж семиземья.

«НАШ ГАЙ — ПЕСЕННИК ЮРА»

В неказистом за виду армянском бараке, где помещается контора строительства, всегда полно людей. Особенно шумно и тесно в небольшой комнате, которую занимает комсомольский штаб стройки.

Начальник штаба, высокий, широкоплечий Виктор Поляничко, еле умещается за штаким столиком, заваленным бумагами. Дел у него столько, что порой одновременно приходится и говорить по телефону, и писать, и отвечать на вопросы. Не каждый справится. Но у Поляничко, кажется, получается неплохо. Может быть, сказывается военная закалка: старшина Поляничко только недавно демобилизовался.

А может, выручает журналистская хватка: Да армян Виктор работает в газете и сейчас учится заочно на третьем курсе факультета журналистики Московского университета.

Штаб — сердце Гая. Целый день сюда звонят и идут люди со всех участков стройки. Трудят: Виктор, воздвигаются и Поляничко связываются с контрольными комсомольскими постами предпрятия-поставщиков, с управлениями стройки, нажимают на субподрядчиков, торопят отступающих, стыдят нерадивых.

Незамысловатый помощник Виктора — Володя Гуркин, секретарь комитета комсомола. Он тоже не устает напоминать, убеждать, требовать, спорить, ругаться с теми, по чьей вине замедляются темпы.

Темпы — это главный лозунг сегодняшнего Гая. По государственному плану уже в начале 1961 года Гай должен отправить на металлургические заводы первые швеллеры юнга. Комсомольцы решили сократить и эти сжатые сроки, освист в нынешнем году около ста пятидесяти миллионов рублей, дайте пробные

тонны металла в первом квартале будущего года. А для этого надо не только свято выдерживать графики, но и опережать его...

Примостившись у стола, Володя Кузнецов размахисто набрасывает текст очередной «молнии». Многие побиваются острым пером этого «грозомвереща и молниеносителя». Володя — художник-самоучка. Приехал он в Гай по комсомольской путевке как слесарь-монтажник. Ему уже есть двадцать лет, но после семи классов Володя уже успел поработать прицепником и трактористом в родном селе, окончил ремесленное училище, был бригадиром монтажников на Южно-Уральском заводе тяжелого машиностроения. А здесь потребовался его талант художника. Оказалось, что слесарей в Гай достаточно, а артистиков нет. И хотя Володя танцет в свободное время, он чувствует, что нужен в комсомольском штабе, что пером и кистью он помогает строительству.

«Вечерами после рабочего дня кто-нибудь из членов комсомольского штаба, чаще всего Виктор, возит новиков по Гаю. Именно возит, в автобусе или в открытой машине: пешком площадку строительства не обойдешь и за целый день».

— Сейчас мы познакомимся со стройкой не как экскурсанты или туристы, а как хозяева, в руках которых находится ее судьба, — начинает Поляничко свою беседу с добровольцами и, дав водителю знак трогать, продолжает: — Здесь будет город на пятидесят тысяч жителей. Вырвите два ряда домов! Они почти готовы, скоро начнем заселять... Понему строим город вдоль арки, от железной дороги, в голь степи? Да потому, что под ногами у нас невиданный богатство. Медь! Миллионы тонн богачайшей руды! С пуском нашего комбината и рудников производство меди в стране значительно увеличится.

Виктор рассказывает о том, что уже сделано за прошедшие два месяца и что предстоит делать дальше. Он показывает место будущего стадиона, где работники штаба вырыли железную степь перед глазами. Он говорит о тридцати тысячах деревьев и кустарников, которые надо посадить в этом году, и каждый слышит шелест листвы завтрешних периодов Гая. Виктор напоминает новичкам, что в Гай пока еще призовоно. Даже вода. Ее привозят за несколько километров и отпусают по специальным востановительным работам траншеи водоудов. Эксплуатационники работают круглые сутки, проделавшему уже по двадцать метров... Со временем будет лучше.

— Видите ажурные мажы? Это семиплощадная линия высоковольтной электропередачи. За месяц с небольшим проложили ее комсомольцы. А вот и насыпь будущей железной дороги. Здесь будет открытая карьера: руда залегает неглубоко. А там прокладывают трубопроводы стволы шахты. Это основные объекты. Но все силы сейчас направлены на строительство жилья и осями люди должны переехать в городские квартиры...

— Чем Гай не город? — весело спрашивает Поляничко, когда машина, мягко покачиваясь, бьжит по одной из дорог, ведущих к палаточному городку, и сам же отвечает: — Палаточный лагерь. Отделение свеса, сберишься, мянкий носок — все есть! Можете выпить газету, журнал, поговорить с Москвой или Владивостоком, зарегистрировать брак, подписаться на сборные сочинения — все можно. Даже инстинкты обуви у нас по-

являл Правду, бедняга работ маловато, prospects в каменном... К санитарно школу стоем, можеть будет продолжит образование без отрыва от производства. А потом техникум, институт... Не думайте, что все это ложь. Нет. Люди пока маловато. Но все будет. Обязательн!

Помаша, спрашивает:
— Кто здесь голосистый?
Неуверенное молчание.
— Не поверю, чтоб не было такого. У нас без песни ни шагу. Не дай кому-то прискакать пидляк наш! Гае — песенный край... Слышеть там даже мадь под землей поет, наружу просисеть...
Все задерживают дыхание, прислушались: а вдруг и вправду поет? Но над степью слышеть только рокот моторов трайлеров, открывающихся дорог, руде. И вот девичий голос робко начинает:

Комсомольцы-добровольцы,
Мы сильны нашей дружной единой...
Песня звенит над степью, летит к далеким звездам, к яркой россыпи огней палаточного городка, к ревущим из будущего карьера машинкам.

По земле мы пройдем, если нужно
Открыть молодые пути...

БИБЛИОТЕКАРЬ

У этой высокой девушки с серьезными, чуть грустными глазами несколько необычные имя — Октябрина. Октябрина Сеникова. Сегодня ноября ей исполнится девятнадцать. Она библиотекарь.
Не такая уж это тихая работа, как может показаться. Ведь все в Гае приходится начинать сначала. Октябрина комплектует библиотеку, добывает книжки поэзии, стихов, сборников, бумажные карточки. Не всегда легко доказать начальству, что людям нужны не только банда, столовая, но и книги. И она ходит к руководителю стройки, убеждает, трабует. Ее негромкий голос топит в гуле, наполняющем контуры. Но девушка настояща. И начальство сдаётся, выделяет машину, чтобы привезти из Орска три тысячи книг, две столы, шкаф, распроясняет провести свет...

Октябрина — старожил Гаа. Она приехала сюда в январе, в числе первых десятков, когда на месте теперешнего строительства воздана несколько времянком изыскателя. Девушке из солнечного Сталинграда — впервые в жизни пришлось встретиться со сверстниками, будущими по неделе крауду, с морозами, перезавывающими дыхание.
Немного тогда народу было на стройке: шли подготовительные работы. Октябрина делала все: сгребала снег, вместе с геодестистами разбивала палаточный городок, сбывала в промшерую землю колышки там, где должны были подняться жилые кварталы нового города горняков. Жила в землянке, явля в гости во время весенней распушки. Как и вся...

Тяжело было. Но ребята не унывали. И песни звенели, когда дыхание оседало на земле ивнем, и огненного гомла отплывали, хотя из-за бездорожья по трое суток хлеба сюда не было подвезено...

— Но вечерам в большой палатке, где помещается библиотека, тесно. После смены сюда приходят строители и шахтеры, шоферы и энзимоватеры. Широкоплечий паренек лавочником баском просит книгу-бульду про войну, другому нужны книга о скоростной прокладке вертикальных стволцов шахты, третий интересуется сборником шахматных этюдов, а тоненькой девушке в забрызганном азиатском комбинезоне потребовалась литература о врачевании, точнее, зурга...

Бывают и недовольные: ведь книг еще мало. Тогда вступаются другие:
— Не шумите, ребята, у нас пока не Ленинская библиотека.

А Октябрина высказывает невыполненное требование, чтобы завтра позвонить в Орск, попросить прислать новые книги. Она смотрит на своих сверстников, и они так дороги и близки ей, что хочется сделать для каждого что-то больше и горше. В проеме распахнутой настежь двери палатки она видит явную корпус домов, выросших там, где несколько месяцев назад она намечала в за-

снейженной степи контуры будущих улиц. И вдруг улыбается: скоро здесь потребуются дополнительные парничные дома, начнут укладывать паркет. Значит, днем ей найдется работа, а по вечерам можно в библиотеке...

ЧЕТВЕРО НЕРАЗУЧНЫХ

Никто в Гае ни разу не видел их поодиночке. Если вы где-нибудь зашли высокого Вячеслава Коршунова или крепящего Ивана Ходкина, значит, поблизости и Владимир Сердюков и Олег Брехов. Койки их в палатке № 16 стоят рядом, в столовой они сидят за одним столом, на работе — вместе, на танцах или в кино — тоже сообща. На стройке все трижды были и четверо танкистов, почти как в песне. Правда, это не совсем верно: никто из них в танковых частях не служил, но в армии были все четверо. Но службы они друг друга не знали. Слова окончил техникум авторозводчик сельского хозяйства, Володя — авторозводчик, Олег после окончания училища работал слесарем, Иван тоже слесаря и одновременно окончил десятилетку. Сдружила их армия. С берегов Японского моря четверо комсомольцев вернулись в Оренбург. А когда проносилась весть о строительстве в степи одного из лерцевцев семилетки, пришли в райком комсомола и попросили путевки.

Но работы по специальности сразу здесь не нашлось. Другая коланя землю, носила кирпич, потом овладели плотничьей профессией.

— На стройке не до разговора. На счету каждая минута. Повсюду памяти: «В 1959 году в Гае будет построено 22 500 квадратных метров жилья». «Строитель» В доме № 8 третьего квартала 28 июня должны справиться новоселье 16 семей! «Не отапливай и не отапливай других посторонними разговорами!».

Памяту об этом предупреждении, я просто молчу, как будто не работаю на строительстве». Улучив минуту, спрашиваю, нравился ли им новая профессия.

— Ничего, — коротко бросает Коршунов.

— По железу душа истрадалась, — признается Коршунов, — железо, оно такое неплюхло, да не поет так под рукой, как железо...

— Ничего, — еще раз повторяет Слава, теперь обращаясь к другим, — скоро и да наша специальность впереворот перевернется... Вот еще один патриот железу загрузил, — кивает он на несьюского парня с топором в руке.

Лицу у парня загоревшее до черноты, пухлые губы сложены трубочкой: он насчитывает какурю-то мелодию, подогмает щит стени. На голове выдвинула видки кепка.

— Поэт наш, — доверительно сообщает Иван, — Володя Чегодаев. Из Орска, слесарем на машинностроительном работам, сейчас тоже плотник... Володя песню комсомольской песни сочинить хочет. А то своей песни у нас еще нет, чуеве поем.

Чегодаев перестает свистеть, окидывает нас озорным взглядом и кричит:

— Кто дорогу, объявляет конкурс на лучшую рифму! Прямья — бутылка кефир!

Со всех сторон несается:

— Гае — приезжай!

— Помогай!

— Хватает, — поднимает руку Чегодаев. — Старо. Поверхности. Не подойдет. Кефир вылью сам. Лучше послушайте, какое лирическое послание отравил девушка один мой приятель! — И, встав в позу, Володя читает:

Стрелы мы наш юный, комсомольский Гае.
На что дорога, стрелы приежай!
Ведь тебя скорую, влну от тоски...
Чтобы все рассеять, я старал носик.

Все хочоту. А Володя, невозмутимо продолжая работать, выводит, пока смолкает смех, и говорит:
— Своя действительная агитация. Прочитав девушка и подумает: «Как он меня любит!» От тоски даже носик страветь!» И приедет...

Смех смехом, а дом растет. Шутки не мешают строительству и горю. И в восторге больше кажется, что это планет насчет «посторонних разговоров» вывешен специальная для корреспондентов.

УЛИЦА ПЕРВЫХ

От палаточного городка до строительства полтора километра. И утром и вечером по дороге прохидет две с лишним тысяча человек. Здесь тоже есть свои часы елки, когда люди движутся сплошным потоком, затеряя даже двадцатипятилетнюю «ААЗЗ». Нелегко кого-нибудь отыскать в этой потоке, но если вы хотите найти девчат из восемнадцатой палатки, прислушайтесь.

Пона шагать я умею,
Пона дышать и умю,
Пона мечтать я умю,
И буду идти вперед...

Завелав обычно Нина Понамерева, та самая девушка, которая спрашивает в библиотеке книги о хирургах. Понамерева девятнадцатый год, она бригадир штукатуров. И хотя есть в бригаде и старше все, все без исключения беззагорочно слушаются Нину. Иначе и быть не может. Почему? Да потому, что остальные девчата все еще лишь ученицы, а Нина — настоящий штукатур. Она полтора года уже проработала по этой специальности на стройках Оренбурга.

Нина вытравляет песню высоким, звонким голосом, и сразу же затевает подпевать подруги:

Не надобно нам поною,
Судьбою счастливя талою.

Красивая песня, мужественная. И хотя не приходится еще в жизни городским девчонкам ни шагать по степям сквозоз снег и ветер, ни ломать лед, ни брать голыми руками пламя, гладя на них, чувствуешь, что у нее это ни под силу.

Что было у них в жизни?

Разное. Нина, например, никогда не видела отца: он погиб на фронте за месяц до ее рождения. Девочка росла в трудное послевоенное время, мечтала стать продавцом в продуктовом магазине; у продавца денег много! А потом, в школе, пришла новая мечта: стать хирургом. Кончила ремесленное училище, начала работать, поступила в девятиклассную вечернюю школу. А весной приехала сюда, на большую стройку.

— Все равно стану хирургом, — говорит она, упрямо наклонив светловосковую голову. — Отстроим больницу, буду работать десятый класс, внем штукатуров работам, вечерами в больнице помогать. Присмотрюся, подучусь, а потом — в институт... Он Лешка, глупая, убогая делала из техникума. А вообще-то правильно делала: что за медик из нее был бы, если она этого даже не любила!

Лешка, или, вернее, Алла Долматова, действительно «убежала» со второго курса медицинского техникума. Даже весеннюю сессию сдавать не стала. Решила поработать на Гае, построит больницу, поступит в институт. И не делайте. Смышлет ей особенно здорово: еще восемнадцат лет нет...

Разные девчата в бригаде, с разными характерами, вкусами, желаниями. Разные у них и профессии. Любаша — чивачка после десятилетия стала работчицей в бригаде валяшек на обушной фабрике. Интересно? Да, но здесь, на стройке, лучше. Люда Терскова и Нина Бибикова с той же фабрики. Нелли Трофимова — с шелкокомбината, ткачиха; Зина Хришкова и Нина Гавчик — радукоталегфабрики; Светлана Егорова — секретарь народного суда. Почти у каждой среднее образование. Но биографии их только начинаются.

— Я захожу в палатку. Девчата сгрудились вокруг стола. Света Егорова читает вслух письмо от подруги из Оренбурга.

Потом мы долго сидим, разговаривая о всякой всячине. Друг Нина Понамерева тизо говорит:

«А что, девчонки, если нам предложить свое название улицы? Ну, ты, гае работам сейчас. Молодежьная — это неплюхло. А еще лучше — улица Первых. Понимаете, первые, кто пришел сюда!»

И все понимают, что она имеет в виду не только возлюбив, голодистов, проектировщиков, но и их самих, которые пришли сюда вслед за разведчиками, чтобы построить свой город — город юности.

"МАМЕ" В ДАЛЕКОМ

Мелькали за вагонным оком леса и пантин, голубые ренюшки и селфи. Сюленциан Доргою она сердцу Николая Шалепова. Где-то здесь, за могучим бором, деляла Мария Гусева, где он родился и вырос. Но в шестидесят лет какой дом покажется тесным! Захотелось паренку простора, звали дальние, невдалече пути.

Николай окончил школу ФЗО, стал каменщиком. Парень не собирался совершать подвиги, он просто хотел строить. По комсомольской путевке поехал на Алтай. Не прошло и года, а о молодом каменщике заговорили как о хорошем мастере...

И вот теперь, закончив строительство поселка, Николай ехал домой. Он представлял себе, как вечером в родном доме соберутся сверстники и допоздна будут слушать его рассказы о золотых степях, о неистовом в своей щедрости чернозем, о ребятах и девушках, которые приезжали со всех концов страны, чтобы омолодить древние алтайские земли.

Но странно: думалось так, словно алтайская явь осталась навсегда в прошлом, будто на целине он был лишь в гостях. Однако как внезапно родилась эта неслышная мысль, так и ушла. Николай твердо сказал себе: «Я строитель и на родину еду только в гости».

Сказать-то сказал, а сделать не сделал. И потом все не по поминкам эта пришло. Может быть, из-за матерей! Она, бывало, нет-нет да и скажет: «И чего тебе ехать на Алтай! Побыл, посмотри, и довольно. Развороту и здесь хватит. Глянь-ка, как за дела в колхозе, сколько машин всяких непонятных повезли! С головой да с руками умельши можно большим человеком стать»...

Да, навеяло бы ему разоблачить... А тут еще Саша. Вместе с ней учился в школе, ходили в лес по грибы. И когда уже повзрослели, тоже дружили. Но про любовь и говорить не думали. Саша писала на целину: он не торопился с ответами, но все же отвечал. А теперь вот встретились... И то ли Николай показывалось, то ли так оно и было: на глазах у Саши вдруг навернулись радостные слезы.

Остался он дома, да все же недалого.

Старший брат присылал письма с Волги. Были они простые и не бог вестк как красиво написаны. Но чувствовалась в них дышащее крепкой жизни.

Сталинградградской... Волга... Русовая плотина... Николай читал эти слова, и ему вспоминались штурмовые алтайские ночи, вспоминались нелегкие будни, до отказа наполненные трудом и потому приносящие большое, настоящее счастье. «Ведь я же строитель».

И ушел из Малой Гусевки Шалепов, уехал к брату на Волгу, на Сталинградградстрой.

Брат очень огорчился, узнав, что отец и мать несправил Николая не в котлован ГЭС, а на строительное городо.

— Да-а, — сказал он, — не пошло тебе. Настоящая жизнь в котловане, а тут одна серость. Но ты не ледидай духом. Я тебя ператащу к себе.

Был Николай от природы парнем неразговорчивым, тихим, а потому ничего не ответил. Да и что можно было ответить! Конечно, кто приехал на строить себя показать, звезду с небой срывать, тому обидно делать незаметную работу, а ведь он простой каменщик, и в конце концов невечно, куда ляжет добыча, основу закладывает. Это дело главного корпуса ГЭС или жилого дома. Главное, лишь бы руками не остыть в работе...

Правда, вначале он немного разочаровался.

— Наша работа — «нулевое» задел, — сказал бригадир Михаил Николаевич Одожий. — И кирочка тебе, брат, не придется ложить. Мы бетонирем фундаменты под котлован, основу закладываем. Это и называется «нулевым» заделом. Нулевой, нуль... Вот уж действительно незаметная работа! Бригада приходила в открытый экскаваторный котлован, ставила дощатую опалубку, заполняла ее бетоном, потом снимала опалубку и шла дальше. Фундамент обсыпал землей, и даже следа որոշորոշ не оставался, будто и не было. После работа эта сходилась к нулю.

Теперь в руках Николая вместо привычных мастерка и молотка были торп и сердитый, словно от злости дрожащий вибратор. Новым инструментом он не доверял, как не доверял и работе, которую делал. От этого на душе было неспокойно, тоскило.

Но длилось это недолго.

Николай любил вставать рано. Умылся студеной водой, завтракал и отправлялся на объект. Ему нравилось лаксовое розоватое солнце, еще не горячий, ленивый ветерок. Хорошо было посылать в тишине, вдыхая запах разрытой земли, а потом незаметно поточить топор, приготовить вибратор, кое-что поправить, кое-что приладить к снаряду, прислушиваясь к тишине. Приходил бригадир, товарищи в брезентовых спецовках... И начинался трудовой день.

Летела щепа, неумолимо стучал вибратор, куб за кубом ложился в опалубку густой бетон. А руки почти не чувствовали усталости. Казалось, только к работе и наливались они могучей силой.

Однажды вот таким ранним утром парень шел к себе на объект. Шуршав от первого света, слушал шум листьев молодых тополей, пошатывая на строящемся доме, и неожиданно увидел их совсем иным, чем раньше. Впервые за все время он подумал о бетоне, уложенном его руками в фундаменте этих домов. В фундаменте погружал он свой вибратор, каждый клочок бетона приклады-

вал лопатой до тех пор, пока поверхность его не становилась гладкой и блестящей, как лед. Сколько бетона уложили его руки! Подумал: «Да ведь наши руки и держат все эти дома!».

Николай улыбнулся. Ему захотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями, рассказать о большой силе, которой налиты его руки... Но с кем? С братом? Нет, не поймет... С Сашей? Она далекая... А как быть бы хорошо, если бы Саша была с ним рядом!

Вечером он написал ей письмо... ..Когда свадьба была в самом разгаре, пришел почталон и вручил женку телеграмму со Сталинградградстроем: «Поздравляем занесением Доску почетного строителя».

Потом они с Сашей целыми днями бродили по лесу. Как в детстве, собирали грибы и чаще всего молчали. Им не было скучно. Во взглядах, выразительных и теплых, каждый из них угадывал мысли и чувств другого. «Почему люди кажутся несчастными», — думал Николай, — почему имне долго и мучительно ищут своей доли и часто не находят ей? Вот-вот, надо уметь бороться за счастье... Нет, человек рождается вместе со счастьем, он идет рядом с ним по одной дорожке, и надо только быть верным себе...»

Потом он думал о своей работе, о строителе. Как же так получилось! Ведь на стройке была сотня опытных специалистов: экскаваторщики, шоферы, монтажники, арматурщики... Николай знал имена героев, считал их какими-то особенными людьми. И вдруг его, безвестного, рядового бетонщика, который делает всего-навсего фундаменты для двухэтажных жилых домов, работают на «нулевом» заделе, так возвысили, поставили рядом с героями! Почему?

Когда он сказал об этом Саше, она улыбнулась и просто ответила: — Потому что ты и есть герой!

— Самый настоящий... Песоматрица только на свои руки. Они умеют работать. Ведь сколько сделано ими, скольком людям принесли они радости! Кому же еще быть в почете, как не рабочему человеку!

—Николай и Саша стояли у окна вагона и смотрели на проплывающие мимо поля и перелески. Грустно было снова уезжать из родных мест. Но Николай знал: их ждала стройка, ждали товарищи. Впереди был будни строителя — прекрасные будни человека, который нашел свое место в жизни. И пусть крошечным, незаметным вкладом будет ложиться его труд в общий труд миллионов, из малого создается большое, великое!

Они уезжали из родных мест с той же радостью, с какой улетают пропавшие птицы из родного гнезда в голубой ветреный простор.

Е. КАРГОВ.

МОЛОДОЙ ВЬЕТНАМ

2 сентября 1945 года была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. Этот день стал для нашего народа самым большим, самым светлым праздником.

Опираясь на бескорыстную помощь Советского Союза, народного Китая и других братских стран, более чем тридцать миллионов труженников свободного Северного Вьетнама строят новую жизнь. За три года восстановительного периода экономика страны достигла довоенного уровня. Были залечены раны, нанесенные полчищами пятнадцатилетней войны против разных врагов, начиная с японских оккупантов и кончая французскими колонизаторами.

1958 год явился началом нового этапа в истории нашей страны: Вьетнам вступил на путь социалистического строительства, путь планового развития народного хозяйства.

Раньше Вьетнам почти не имел собственной промышленности. В стране хозяйничали французские колонизаторы. Теперь мы строим свои заводы и фабрики, шахты и рудники. К концу 1960 года, по завершении первого трехлетнего плана, отечественная промышленность будет выпускать продукцию, которую еще никогда не производила: чугун, сталь, прокат, станки, машины.

Вьетнамская молодежь знает тем, что рядом со своими старшими товарищами боролась за независимость родины. Сегодня руками молодых вьетнамцев возводятся будущие заводы. «Снос молодежи — это первый помощник Партии трудящихся Вьетнама», — так заявляет каждый юноша, каждая девушка. Вместе со всем народом молодежь стремится превратить Северный Вьетнам в сильную и богатую страну. Ибо это залог победы в борьбе за объединение родины.

От крепости Мук-Нам-Куан до самого мыса Ка-Май лежит одна земля — земля вьетнамского народа. У него одна история, одна культура, он говорит на одном языке. Вот почему мы не позволим зловещим империалистам разделять наши сердца. Вьетнам будет единым!

Нгуен Ван ТЬОК

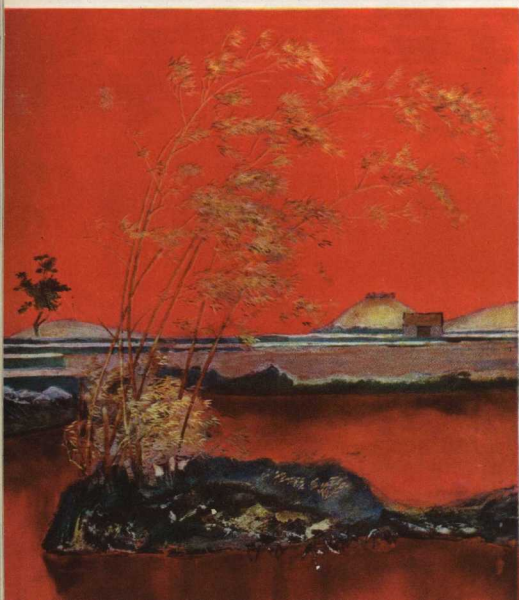
Картины вьетнамских художников
с выставки произведений изобразительного искусства
социалистических стран.

Нгуен Хием. Ночной поход.
Данг Куок Хунг. Зима.

Фан Кэ А. и. Пограничные ворота Мун Нам Куан.
Чан Динь Тхо. Бамбуи.
Хоанг Киет. Девушка народности Ман До.

ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ!!

НАСТЯ ОНИЩЕНКО ВЕРНУЛАСЬ НА РОДИНУ

Неожиданный телефонный звонок оторвал меня от обычных занятий. Звонил из Полтавы редактор областной газеты «Заря Полтавщины»:

— Ты читал о нашей землячке в журнале «Смена»? О полтавчанке Насте Это в ятском номере...

Она сейчас, кажется, во Львове. Настя Онищенко... Дубодельова...

В тот же день после работы, прихватив журнал, я отправился на поиски.

...Улица Толовацкая, 12, квартира 8. Напротив меня за столом в уютной комнате — молодая, светловолосая женщина. Рядом, прислонив белокурую голову к плечу матери, стоит дочурка.

Анастасия Александровна внимательно прочтала рассказ капитана Б. Комского «Где ты, полтавчанка Настя?» и задуумалась.

— Да, так оно и было, — тихо проговорил она. — Слабо добрым людям, что вспоминаю...

В глаза ее появилось столько страдания и жгучей печали, что я как-то сразу увидел ту юную полтавчанку Настю, которая в далеком Великом Отечественной войны попала в фашистское рабство.

— Так и было, — задуумчиво повторила Анастасия Александровна — Этого ни забыть, ни простить нельзя!

...Летом 1941 года фашистские войска ворвались в Полтаву. Они принесли с собой разрушения, разоружили, разогнали шли на запад, они увидели советских людей в неволе, в нацистскую неметчину.

В один из таких шшеловнов попала и девятиклассница Настя Онищенко.

Девушек привезли в шумный, неприглядный Гамбург и под конвоем отправили на окранку города, в лагерь.

— Вот тут будем рвать! — кричавшие заматывала одну из девушек. — Никто не вырвется нас!

И действительно, гитлеровцы позаботились о безопасности полонисков. Лагерь был обнесен рядами колючей проволоки, вдоль высокой изгороди патрулировали жандармы с оварчками.

Не успели девушки снять с плеч вещи, как их погнали на завод, в ичную смежу.

Анастасия Александровна вздохнула.

— С тех пор и пошло. Каждую ночь — на работу. Не давали вздохнуть и днем: через каждые два — три часа погоня на поверку, заставляла работать в лагере. А если кто заблевал, поносили самыми последними словами, бил...

— До каких же пор терпеть нам, девчат! — сказала однажды Настя самым близким подругам, таким же, как и она, комсомолкам.

— Надо сопротивляться... Но как! — заговорили девушки.

— Будем требовать, чтобы улучшили питание, чередовали сме-

жи... Что, если нам не выйти на работу?

— А согласится ли другие?

— Нужно убедить! — сказала Настя.

Начали готовить других девушек. Нелегко это было сделать. Одни соглашались сразу, другие колебались:

— А вдруг перестроится?

— Не перестроится! — убеждала Настия подружки. — Мы никогда уничтожат даровую рабочую силу...

И вот в назначенный день ни одна из девушек не пошла на завод.

Посыпались угрозы, заставили наказать. Но девушки стояли на своем...

Об их сплоченности стало известно всем товарищам по неволе: болгарам, чехам, полякам, сербам, французам. Встреча Настя Онищенко, они урядкой поднимали над плечом святый кулак: «Рот фронте! Нередко девушки получали записки: «Мы с вами. Мы против немцев. Мы делаем все, что можем: ломаем, задерживаем...»

— Принято было получать такие весточки, — улыбнулась Анастасия Александровна. — Мы видели, что не одиноки, что нас поддерживают. Но знали также: задержать гитлеровцы эту переписку — беда не избежать... Так и случилось. После того как провалялись побег, который мы готовили с помощью иностранных друзей, фашисты усилили надзор. Однажды один из надсмотрщиков увидел, как мне передали в цехе записку. Ее я, конечно, уничтожила. Но меня все же отвели в гестапо, несколько дней допрашивали, а потом на три месяца посадили в тюрьму. После тюрьмы попала в другой лагерь, дальше от города. Там у меня появились новые подружки: Зина Седовникова, Инна Проценко, Надя Дорошенко... Славные были девчата. Не знаю, где они теперь...

Рассказав я им, как мы боролись за свои права...

Надсмотрщикам и мастерам в цехе были только немцы. И все-таки девушки ухитрились хоть где-нибудь навредить.

— Ты думаешь, мастер не замечает! — говорила Настя Зине Седовниковой. — Замечает, сатана. От него не спрячешься. Но молчи. Кто его знает, что он за человек, этот Винаид!

Насте очень захотелось поплакать и немцу девушке в цехе хорошие, дружные, и потому что это за дикийный мастер, который повторствует русским! А тут еще слух прошел, что часть лагеря и цех будут куда-то перенести. Настя обратилась к Винаиду:

— Герр мастер, возмите, пожалуйста, в свой цех...

Винаид пристально посмотрел девушке в глаза и тихо спросил:

— Будешь стараться!

— Как все, — горчико заверила Настя.

Винаид едва заметно усмехнулся:

— Хорошо, возьму...

Еще больше удивилась Настя, приспособившись к поведению Винаида. Когда кто-либо из девушек допускал брак или выводил из строя аппарат, мастер только улыбался и говорил:

— Ай-яй! Ну, ничего, ничего, не волнуйтесь очень... И тихо добавляла: — Эта задержка сохранит жизнь десяткам, а может, и сотням людей...

Настя очень быстро научилась пользоваться «синдикательным» мастером Винаида и радовалась, что хоть чем-нибудь помогает своим...

— Но тоска по Родине все больше сжимала сердце, — продолжала свой рассказ Анастасия Александровна. — В восемнадцать лет сидеть за колючей проволокой, вдаль от родных и друзей — такая это нестерпимая мука! Но мы верили в победу советского народа. Эта вера укрепила нас, дала силы, помогла бороться. Тогда и в моем маленьком дневнике и появились слова песни

«Аужи край родной!», которая была опубликована в ятском номере «Смены».

Настя вместе с подругами готовилась к побегу: Советская Армия разнавала наступление, фронт приближался...

— Только бы уйти из лагеря, — уверяла она, — там так много вольных птиц!

Она знала, что ожидает ее, если гитлеровцы проведуют о ее замыслах, знала, что не миновать мук, не миновать исецели. Но страха не было: пусть боится враг!

Настя перадала русским военнопленным свой комсомольский билет, дневник и, выжда удобный момент, вместе с Зиной Седовниковой, Инной Проценко и Надей Дорошенко совершила побег. Им удалось перейти линию фронта. Девушек взяли в одну из советских воинских частей. Со своей армией они дошли до Эльбы. Но на этот раз они шли с гордо поднятой головой...

...Оттремела война. Настя возвратилась в родную Полтаву. В 1946 году она окончила 10-й класс.

Сначала Анастасия Александровна работала во Львове на одном из крупнейших предприятий города — автобусном заводе. Она диспетчер — человек, от которого зависит бесперебойная, ритмичная работа цеха. И Анастасия Александровна очень аккуратно и энергично выполняет свои обязанности.

— Рабочие очень уважают ее, — сказала мне начальник цеха Владимир Давидович Каминский.

И Анастасия Александровна любит свой завод и гордится им.

Наш автобусный, — говорит она, — кончо смилетек будет выпускать ежегодно по пять тысяч автобусов, и они будут лучшими в мире. Недаром мы получили Большую золотую медаль на Брюссельской выставке!

Гордится Анастасия Александровна и своими младшими товарищами, комсомольцами, аступившими в ряды бригад, борющихся за право называться коллективными коммунистического труда.

— Как хорошо сознавать, что ничто не сможет омрачить светлое будущее этих юношей и девушек! На защите мира стоят наша Коммунистическая партия, наше правительство, весь народ. Думаю, что все, что пережила война или хотя бы слышал о ее ужасах, не помешает сил, чтобы предупредить повторение подобной трагедии...

Пусть моя дочка, дети моей страны и всего мира никогда не испытуют того, что довелось пережить нам!

П. МАЛЫЙ
г. Львов.

Ровесникам

Пока мы уроки учили,
Ходили с портфелями в класс,
Без нас целили покорилки,
Построили школы без нас.

Освеены лики Памира,
В Якутии найден алмаз,
И Спутники наши над миром
Запущены в небо без нас...

По-прежнему учим уроки,
Стараемся — только держим!
Но близятся, близятся сроки
Вступления нашего в жизнь.

Рыветы полдут на Юпитер,
В пределы засобной тьмы.
И кто поведет их, скиндет!
Вчерашние школьники — мы.

Кто людям даст новое солнце,
Поднимет дады Колымь!
Грядущие годов комсомольцы,
Вчерашние школьники — мы.

И, вера в судьбу непростую,
На миг оторвавшись от книг,
Другие уже затоскует,
Что сделано это без нас!

Иосиф КУРЛАТ
г. Сталино.

«ВИШЕРА» ИДЕТ В ШТОРМ

Фотоискус. С. ПУЧЕГОВА.

Вот она, награда за трудный переход по штормовому морю: трал пришел с рыбой!

...Жолот покказал: рыба есть! В глубине под бушующими волнами или косыми мнятца. Значит, не зря пробивался и дальний бане траулер «Вишера», не зря боролся с непогодой зинглаи.

Через час туго натянулись тросы траловой лебедки — и из морской пучины поднялся огромный ношеца — кутец, доверку набитый рыбой.

Вакта трамластера Ивана Анниненно готведа была принять улова. Матросы Анатолий Гусев и Юрий Грибов подхватили кутец, и на палубу посплыла из сети рыба. А разгрузку дожидался уже сле-

дующий кутец. Богатый носки попался на этот раз «Вишере»; за одно траление было поднято оноло восьми тонн перноклассного мнят — цифра немалая для лова при штормовой погоде.

Бся эта рыба пойдет в счет 24 тысяч центнеров, которые зинглаи обязался добыть за первый год семилетия. Обязательство высокое: до сих пор ни одно промысловое судно на Сахалине не бралось выловить столько рыбы. Но разве скажешь, что это не по плечу рыбакам, которые решили бороться за звание зинглаи коммунистического труда!

В негододу, а шторм выходит траулер на промысел. И море наградает подей за мужество, за настойчивость — один за другим поднимаются на палубу кутцы с рыбой.

«Слово, данное стране, мы сдержали!» — говорит капитан судна Герой Социалистического Труда В. Воронин. — С такими реблантаи горы сдвинуть можно!

В зинглае «Вишеры» есть и бывалые промысловики, и молодые рыбаки, только еще свивающиеся с морем, с непонимия рыбацкими трудами. Виталий Юндов жил раньше вдали от моря, о промысле знал понаслышке, а сейчас уже освоился с тралом, может самостоятельно вести вахту у штурвала. По душе Виталию пришлось и море и дружная семья товарищей-рыбаков.

На «Вишере» решили: каждому в течение года освоить еще одну сменную специальность. Комсомолец Анатолий Гусев может возглавить траловую вахту. Спесарь Иван Ковалев изучил дело дизельного моториста. Мастером на все руки стал комсорг судна моторист Юрий Ланин.

А механику-универсалу на промысле и цены нет. В открытом море не вызовешь нужного специалиста, тут приходится рассчитывать только на самого себя.

Был такой случай. На «Вишере» вышел из строя подшипник главного двигателя. Аварий серьезная, нужно было возвращаться с лова без рыбы да еще неделю стоять в ремонте. Но выручили механики во главе с Шелковниковыми: во время промысла они сумели заменить негодный подшипник.

Но вот все отскени палубы заполнены рыбой. Собирают массу мнятца по корзинам укрывают огромным брезентовым полотнищем. «Вишера» берет курс на Невельск.

И хотя шторм поирежал и волны все сильнее начинают бить в стеньга иллюминаторов, на душе у рыбаков становится спокойнее: траулер идет в родную гавань.

В наютах и в кубрике тепло и уютно. Это особенно чувствуется, когда после вахты, оглохнув от свиста ветра и ударов волн, можно наконец сбросить промокший плащ и подсесть за стол к друзьям.

Моряки по-разному коротают свой досуг. У многих в руках книги, учебники. Перед третьими механиком, коммунистом К. Людиным, стоит справочников, таблиц, чертеньев. Спорю зачетый Третий механик — зачиник Сахалинского мореходного училища.

Робота с «Вишере» — шутка: «У нас все условия для учебы. Даже свой преподаватель есть. Вместе мнятца ловим». И впрямь, на траулере дублером старпома сейчас И. Элпорт, совсем недавно преподававший в Сахалинском мореходном училище.

Работет И. Шапошников занят составлением очередной радиопередачи. Тема — совершенание траловых вахт.

«К Невельску «Вишера» поехала вечером. Справа по борту вычленился только цепочка огней. Но рыбаки и их достаточно, чтобы узнать парс, приехать базу развода, родной готод.

Юлий Сажалин, г. Невельск.

Капитан «Вишеры» В. А. Воронин (справа) и старпома М. И. Сергеевко определяют местонахождение судна в открытом море.

Свежая газета с последними новостями — всегда событие на судне. Вонгу агитатора И. Г. Шапошникова собралась вся траловая вахта.

Рыбные берега...

ВАРЬКИН ПОРТРЕТ

Рассказ

Рисунки Л. Хайлова.

Вечерет. Солнце уже спряталось за кромок дальнего леса, но еще светло. Над лугом, над рекой развита тишина.

Кажется, все замерло: не шелухуются травы, деловито и беззащитно катятся волны Тарки, и только комары серыми, назойливыми тучами носятся над рекой, над прибрежными кустарниками. Особенно много их над Варькой. Она и то и дело обмахивается березовой веткой, что сломила по дороге сюда. Ветка уже желтеющая, листья ее лежат на холмистом, но Варьке сейчас не до ветки и не до комаров. Все ее мысли там, возле ракит, под которой прячется Гришка Званец.

Гришка — страстный любитель рыбы. Летом его не встретишь в поселке. Он даже покупает возле реки в маленьком самодельном магазине.

Варька не впервые приходит на берег и знает, что на рыбалке рано становится не хватать, «а то зорю рыбу разогнать», и молча сидит по часу, по два, пока не стемнеет и не закончатся клевет. Тогда Гришка забегает к ней на крупный берег и почти всегда задает ей тот же вопрос:

— Ну что, пришла? А зачем? Варька молчит. Она и сама толком не знает, зачем. Вероятно, только затем, чтобы посмотреть, как Гришка ловит рыбу. Часы ожидания кажутся ей самыми прекрасными. Особенно хорошо сидеть на берегу в ветреную погоду: комаров отпугивает ветер, и ничто не мешает ей думать о себе, о Гришке. Но сегодня Варьке неспокойно. То ли потому, что уж очень много комаров, то ли потому, что перед уходом из дому она позволила с матерью.

Последнее время мать стала ворчать, как только заметит, что Варька собирается на реку. Вот и сегодня, увидев, что Варька купила буханку хлеба для Гришки, сразу замурчала.

Опять к нему идешь! И что за деньги ноне, ни стыда, ни совести! Люди уж пальцем показывать стали! И что ты в нем найдешь? Хоть бы красавец был, а то чистый штырь.

«А мне такой и нравятся», — строптиво думает Варька. Мать, словно угадав ее мысли, начинает убеждать Варьку, что Гришка и бездельник, и сорванчик, и вообще некудышний человек. Варька упорно молчит, тем более, что все сказанное матерью — правда. «Ну и пусть!» — думает она.

Видя, что Варька ее не слушает, а может быть, иронизирует, как она сама против воли родительской, «субегом», вышла замуж за покойного Егора Митрича, мать вдруг меняет тон на милость и нежность, предлагает:

— Присвела бы уж хоть своего рыбакка к нам. Поговорить с ним, узнать, что за человек. Может, он и впрямь лучше, чем я о нем думаю...

Варька слышала неловко и потому, что они с Гришкой еще ни разу не говорили ни о чем «таким», а главное, потому, что Гришка и в самом деле не ангел и едва ли понравится матери. Уж и много отчаянный парень. С людьми не ладит, на работе подлодки не задерживается. Отсюда его гонят: то за пьянство, то за грубость. И сейчас он тоже никак не работает, сколачивается на реке день и ночь.

Говорят, когда любишь человека, то перестает замечать его

недостатки, а если тебе укажут на них другим, всеначе стараешься объяснить и даже оправдать их. Варька недостатки Гришкиным знает хорошо и не только не закрывает на них глаза, а говорит об этом с Гришкой почти каждый вечер. Иногда он зло спорит с ней, иногда молча соглашается, но в последнее время, похоже, ему просто надоело разговоры, и он стал даже прятаться от Варьки. В прошлое воскресенье она не вышла его возле шалаша, да и сегодня он так притаялся под ракитой, словно увидел: «Ах, не заметит, уйдет».

«А я и не уйду! — не то зо зоряство, не то с торжеством думает Варька. — Вот буду ходить каждый вечер, и все». Но тут же ей приходит в голову мысль, что престо так ходить, чтобы позлить Гришку, она не хочет и не будет. И Варька принимает решение: не ходить к реке, пока Гришка сам не позовет ее. «А если он и не подумает позвать? Тогда как?» Этого Варька не знает.

— Ну, Варька-героиха, опять пришла... как всегда немешливо говорит Гришка, взбираясь на крупую. — Ругаться будешь?

— Не буду.

Ишь ты! — Гришка удивленно моргает, потом иронически осведомляется: — Или на лекции переходишь? Так ты в вытерпнишь, заклинши? И вообще хватить меня воспитывать? Можно подумать, что тебе за то что деньги платят.

И тут случилось такое, чего Гришка никак не мог предположить. Варька, колочая, неугомонно, бойкая на язык и скорая на руку, вдруг замолчала. Сидя на короточках и спрятав лицо в ладони, она горько всхлипывает, словно случилось невесте какое несчастье. Гришка терпится. Он вообще не хотел обижать эту сжавшуюся в комочек девочку.

«А может, она и не от обиды ревет», — начинает догадываться Гришка и, присев рядом с Варькой, осторожно обнимает ее и ласково, как это только он один умеет, спрашивает:

— Что, лобуха, ай горе? Варька доверчиво принимает голову к его груди и, слушая, как ровненько стучит Гришкино сердце, шепчет:

— Мама ругается: не ходи, говорит, на реку.

— Ругается? — все еще лако-

во, но уже убрал, преруясь с Варькиной злобой, переспрашивает Гришка.

Потом он встает и начинает молча разводиться костер. Варька тоже молчит, ждет, что он скажет. А Гришка нарочно медлит. Наконец он напастивательно говорит:

— А может, тебе и правда не ходить сюда? Какой тебе интерес просиживать тут вечера, раз ты сама не рыбачишь?

А Варька в порыве отчаянности выпаливает:

— А если люб ты мне, тогда как?

Гришка предчувствовал это признание и все-таки, уймавша его, не знает как вести себя. Чтобы скрыть растерянность, он прибегает к испытанному средству — грубости.

— А-а, так ты меня в женски прощай! — издевательски восклицает он. — Вот почему и воспитательные разговоры ведеши! Только не ошибайся ли адресом? Я, впрямь, рыбе клевать дай: не жиднись и дай клевать. Долгожмо жаль-то? А?

— Ладно, Грина, я обожую, звенящим, не своим голосом говорит Варька. Она быстро встает и, не прощаясь, уходит.

После ее ухода Гришка варит уху, потом с аппетитом ужинает и ложится спать. Все следующий день он занят важными делами: готовит снасти для ловли щуки и внешне кажется очень спокойным, даже довольным собой человеком. Но его все время точит мысль: «Придет или не придет сегодня Варька? Вот уж солнце клонится к западу, и Гришка занимает свое обычное место под ракитой, закидывает удочку и долго сидит в ожидании. Щука, которая давно ходит около, почему-то не берет. Тонкает. А Варька все нет.

«Обжал», — решает Гришка. — Ну ничего, она горячая, да отходчая, придет».

Но проходит день, второй, третий. У Гришки кончается хлеб, а Варька все не идет. На четвертый день, с утра, Гришка укладывает в кузовок поиманных наконец трех здоровенных щук, забрасывает их кривой и осоклой и направляется домой.

Живет Гришка на окраине поселка, в стареньком деревянном домике, хозяйка которого, такая же старенькая, но шустрая Мария Саввина, всегда удивляется величине щуки, а затем несет их продавать соседям. У Гришки тогда опять появляются деньги, которые он по давнему обычаю должен бы пропить, но пить ему никак почему-то не хочется. Пообедав вкусными мясами, Гришка говорит:

— Дрова-то не кончились? А то я наколю.

Саввина топит печку даже летом, особенно в дождливую погоду, для духа, как она говорит. Наколов дров, Гришка ложится спать, но ему не спится, и, появившись часа три, он одевается.

— Я, пожалуй, на танцы схожу, — говорит Гришка после некоторого раздумья.

На танцплощадке, как всегда, тесно. Но Варька там нет. Впрочем, она вообще редко ходит на танцы. Сегодня же Гришке кажется, что она нарочно не пришла, чтобы не встретиться с ним. «Небож», читает, — думает он, — то спит, сонюля, в этакую-то рань».

— Ну и ладно! — говорит он вслух, стараясь казаться беспричинным.

Но мысли его опять невольно возвращаются к Варьке.

Гришка смотрит на танцующих и злорадно думает: «А вот не вад, а меня любит Варька! Что? Варька?» Он начинает сравнивать с ней девушку на танцплощадке и только тут обнаруживает, что она, оказывается, красивее многих признанных красавиц, а главное, дел, умная. «Таких девок много ли? А уж работать — лучшая шмеш в артели. Об этом даже на Доске почета написано, как Варькин портрет красуется уж второй месяц».

Вару Гришке приходит в голову шальная мысль выквест портрет, и он решительно направляется на площадь, где установлена Доска почета. Но, чтобы достать карточку, надо разбить стекло в витрине, а под удую, как назло, нет ничего твердого. Тогда он достает из кармана гвоздик и начинает комарить замок, что сбоку витрины. Наконец замок щелкает, и Гришка расплачивает тяжелую створку.

Вяз карточка, Гришка обнаруживает, что без Варькиного портрета витрина опустела, стала уютно, нейтральной, но он все-таки берет лобочку под рубашкой и медленно идет домой. Нолью его опять начинают мучить сомнения.

Ему жаль, что завтра никто не увидит, какая Варька красивая, а ему уже хочется, чтобы все любовалось ею, как он сам. Наконец Гришка решает и, накинув ту-журку, идет на площадь. Время уже позднее, но без опаски подходит к витрине и осторожно оставляет портрет в бархатный кармашек.

пос. Метера, Владимирской обл.

Покорение тайги

(Из новой книги стихов)

На строительстве Абакан — Тайшет

Посмотри: скала торчит, как бивень.
Кажется, что здесь давным-давно
Огненный обрушился ливень,
Море отступило при отливе,
Обнажая каменное дно.

Лейбище гигантов пред тобою!
Из тысячелетий приполюз
Горы эти, будто к водою
Бронтозавры — чудища земл.

Здесь тайга цветиною кончой
На крутых изогнутых хребтах.
И стоит, нахмурился, туча тучей
Здесь гора Медвежья — Абакан.

Это по ее отрогам диким,
По могучим краксистым хребтам
Ахилу взры —
И, словно куст брусник,
Тышина оспалась к ногам...
Это мир рождающийся.
Здесь он
Зашумит,
И нему тропу вест!
Чтоб середца
Могучим взрывом песен,
Радостью и силой
Потрясти.

Встреча парохода

Уплыли последние лядинки.
Флаг навигации поднял.
Первым пришел «Цетиники»
И бросил на берег сходки.

Слыша гулок басистый,
Блещит Каргасок на пристань.
Хант, седой и скулястый,
Кричит капитану: — Здравствуй!

От Томска до Васюгана
Все знают того капитана.

А комсомольцы из клуба
Вынесли медные трубы
И грянули дружно встречу,
Так, что это пошло по заречью.

Север дождался прихода
Лета и первого парохода.

Лето

По колена в травах бродит лето.
Запах солнца, хвоя разогретой
Ветер щедро посылает нам.
Кни косуля, речка скачет бистри,
И росинки золотые искры
На лугах рассыпаны цветом.

Мы вдвоем с охотником Амгаем
Утренние зори здесь встречаем.
Под высоким небом у костра.
Выстел будит тишину Берлюжю.
На медвежью голову лохожа
Бурая лохматая гора...

С той горы, душою молодой,
Я смотрю в просторы Енисья.
Где закат встречается с водой.
Как сказал, что наступает старость.
Если в сердце песенная ярость,
И весло в руке, и полон парус
Ветром жужит вечно молодой!

Рисунок Я. Мирошниченко.

В горах Алтая

Слышу звонкой напев топшур!
Вижу сизый туман над рекой...
А тайга, что медвежья шкура,
— Так бы вот и погляди шуря,
Здесь, в горах, непечатые клады,
И геологу путь сюда!
Блещут радугой водопады.
И в Катунь кинит вода...
...Но покатся все дальше шпалы,
Речью, будто ручьи, разлились...
Ты пройди по рабочим кварталам.
В нашу новую шахту спустился!
Да поближе узной геодинастику,
Погости. Побывай на горах —
И, быть может, захочешь остаться
Жить в привольных сибирских краях.
Ты найдешь и друзей веселых,
Комсомольцев, скакущих парней.
Людно стало в горах Таштагола,
Где юным рабочим поселок
Выстлавляет конвейер огней.

Краски

Я в степь ходил целинную
И видел у костра
Зеленые, и синие,
И желтые ветра...

Над сизым Саянами,
Оттенкам горя,
Играет то багряная,
То алая зоря.

Свой цвет меняет облако,
Рема, песака падь...
И ты поди попорюй-на
Все в красках передать...

Смотрю на зори ясные,
Встающие в горах...
Да! В жизни все прекраснее,
Чем в песнях и снах.

1 Топшур — музыкальный инструмент (Обротня).

(Заметки с американской выставки)

От станции метро до входа в парк «Сокольники», где расположилась Национальная выставка США, ведет прямая асфальтированная аллея. Еще издали видны золотистый Геодазневский купол и развешенный рядом государственный флаг США и СССР. Звучит музыка. Голос диктора с небольшим интонационным акцентом произносит:

— Добро пожаловать! Мы надеемся, что вам понравится наша выставка!

И советские люди идут на выставку, как выразился один западный журналист, «с открытым сердцем и внимательным умом».

О КУХНЕ И ФАКТАХ

На огромном транспаранте в главном павильоне написано: «Может быть, нигде многообразнее Соединенных Штатов не отражаются так, как в американской кухне!»

Хорошая кухня — мечта любой хозяйки! И устроители выставки это ушли: отдельная кухня, кухня в образцово городской квартире, кухня в типичном доме среднего американца.

Но мы знаем, что США — высокоразвитая индустриальная держава. Мы много читали и слышали о талантливых американских инженерах и ученых, решавших сложнейшие технические проблемы современности, о квалифицированных рабочих крупнейших в мире заводов, создававших замечательную продукцию века. Естественно, что советские люди хотели увидеть свидетельства технического прогресса Америки непосредственно, а не через музейное оборудование... Кажется, будто хозяева выставки не дают гостям осмотреть весь свой дом, а держат их на кухне.

Кстати сказать, хотя здесь все время говорится — и в посленных гудов и в надписях и транспарантах — о «средней американской семье», оказывается, многие из основных экспонатов недоступны «средним». Образцовая городская квартира слишком дорога, холодильник — тоже (конечно — так называемый «средний» покупает подержанные холодильники, более дешевые), а отдельной образцово кухни, выясняется, вообще не существует: это только образец будущего!

Выставка на открытии выставки вице-президент США Р. Никсон тоже много говорил о «процветающей средней американской семье». Но незадолго до этого исследовательский комитет Геллера при Калифорнийском университете опубликовал данные, касающиеся как раз этой самой семьи.

Самые популярные «экспонаты» — гуды.

USA

ВЕЩНОСТЬ ГОДА

Фото К. Вишневецкого, М. Муразова и Н. Непомящего.

Попробуем сравнить некоторые цифры. Р. Ниссон, «каждая семья покупает в среднем 9 мужских костюмов и женских платьев и 14 пар обуви в год». Исследовательский комитет: «Прогнозирующая американская семья (проживающая на западном побережье, где заработки обычно выше, чем в других районах.— К. В.) может купить: один костюм — каждые два года, пальто — раз в 10 лет, женскую шляпу — раз в два года, зимнее женское пальто — раз в пять лет и ленточное — раз в четыре года».

АВТОМОБИЛИ И УВЕРЕННОСТЬ

В тени маленькой рошчи, где расположились «скультурные» экспонаты, они стесняются нежные русские березки, а встретил своего знакомого, английского студента Эдди Томсона. Он шел в сопровождении двух молодых американцев: худенький чернокожий девушка и коротко остриженного парня. Эдди познакомил нас. Девушку звали Марией, и работала она на выставке продавшей воды «пейс-колла».

— Я только что окончила университет, — сказала Мария по-русски, — и страшно довольна приездом в Москву!

Мы заговорили о выставке. Эдди положил руку на плечо американцу и сказал: — Да, Джим, что-то не то вы привезли в Москву... ни больше ничем похвастаться? Русских не увидишь... На пятни наступают? Рядом с нами стали останавливаться, вступать в разговор, так что скоро образовалась довольно большая группа.

— Вот вы все время говорите о «среднем» человеке... замечет молодой рабочий с «Серпа и молота»... Если берет рабочий, служащий, артист или фермер, то это опять-таки «средний» человек... А как живут молодые специалисты? Учатся ли рабочие...?

Вопросы ронялись со всех сторон. Джим переходил в наступление:

— Ну, а автомобили! Ведь танки автомобили у нас нет!

Коренящий парень в синей тенишке улыбаются:

— Чем так говорить, автомобили у нас хорошие. У нас нет пока танков... — Нет пока... — добавляет быстроглазая девушка. — Знаете, что значит по-русски «нет пока»? Это значит — «зачит будет»... Американец смеется:

— Пропанганд!

— Нет, это не пропаганда! — спокойно возражает высокий блондин. — А вот это — типичная пропаганда! — Он показывает рекламную брошюру автомобильной фирмы «Дженерал моторс», изданную на русском языке, и читает вслух: — «Дженерал моторс» насчитывает свыше 750 тысяч акционеров — рабочих, фермеров, служащих, врачей, домашних хозяек... вложивших свои деньги в эту фирму. Они являются фанатическими владельцами предприятия».

Американец молчит.

— Значит, — продолжает блондин, — заводы Форда — народные предприятия! Другой хохот покрывает эти слова.

— Но все-таки у многих американцев, и у молодежи тоже, есть свои автомобили! — хвастается за последнюю соломинку американец.

Парень в синей тенишке подкапывает ближе и тихо спрашивает:

— Скажи-ка мне, друг, откровенно, что лучше: иметь автомобиль и быть неуверенным в завтрашней работе или спокойно работать и быть уверенным в том, что скоро и у тебя будет автомобиль!

Англичанин Эдди, подвинув мне, замечает: — Джим, тебе, по-моему, пора идти... — Англия, зачем нагадить на союзников... — отшучивается Джим Нелли.

ЗАБЫТЫЕ «ЭКСПОНАТЫ»

Если бы Вилли Ломан приехал в Союльнини, он бы узнал много нового о своей стране. Оказывается, жить совсем не так трудно. А он то все свои изныя работал для того, чтобы раскататься за дом, купленный в рассрочку, и умер, так и не сделав последнего взноса!

Вилли Ломан вообще с недоверием относился к «рассрочкам». Он часто говорил в сердцах:

— Хоть бы одна вещь не испортилась до того, как станет моей!

Да, Вилли не так понимал жизнь, как об этом рассказывает молодой гуд, с выставкой в Союльнини! Набо было бы Вилли поговорить с теми юношей, посмотреть стены, тогда бы он понял, что безработным в США невется хорошо, и не мочил бы изныя существование... Но Вилли Ломана, пожалуй, не пустили бы на выставку: герой правдивой пьесы «Смерть коммунистическая» изложил вудуция современным американским драматургом Артуром Миллером, — из тех спонсаторских покровителей образ жизни, которые «случайно» забыты Дова.

Всех их, этих забытых «экспонатов», не перечислить, но хочется назвать хотя бы несколько наиболее характерных для современной жизни США.

Экспонат № 1

«Безработица». Когда бы кто-нибудь спрашивал у гудов, то отвечают, что это не типично, что безработные получают чуть ли не больше денег, чем в случае, если они работают. Говорят еще, что безработным, мол, считаются в США желающие подработать студентами...

А совсем недавно 10 тысяч рабочих пришли пешком в столицу страны для того, чтобы от имени 75 миллионов безработных потребовать у правительства внимания и «национальной торговли».

Экспонат № 2

«Цена здоровья». На выставке есть цены автомобильной и самолетной вудуция современным американским драматургом Артуром Миллером, — из тех спонсаторских покровителей образ жизни, которые «случайно» забыты Дова.

А между тем в Нью-Йорке, например, операция аппендицита стоит 500—600 долларов, роды — примерно столько же, а гинекологическая операция мелгуна — тысячи долларов!

Экспонат № 3

«Расовая дискриминация». Правда, устремленной выставки нельзя обвинить в отсутствии внимания и этой проблеме: на всех фотолитографиях белые... обнимаются с черными. Есть гуды-негры. В павильоны красноты белая посетительница. Но в это же время, в день открытия выставки, на улице Детройта полицейский застрелил рабочего-негра Барнарда Хауэлла только за то, что он шел в одну машину с белым...

Много споров — и острых и спокойных, — много увлекательных разговоров происходит каждый день на выставке. Гуды — женщины, молодые американцы — пользуются большим успехом, и, надо отдать должное, эти юноши и девушки умело выходят из сложных положений.

— Люди спрашивают, спорт, иногда даже резко, но всегда дружелюбно, — сказала мне милновидная девушка-гуд. — Я все время чувствую, что это добрый интерес и добрая досада, когда я это то-то не понимаю... Я была на вашей выставке в Нью-Йорке четыре раза и убедилась, что такой оборме — очень полезная штука!

Да, мы рады каждой возможности узнать о других и рассказать о себе. Мы за самые широкие контакты со всеми, кто этого хочет. Как сказал, выступая на открытии американской выставки в Москве, Н. С. Хрущев: «Мы хотим мира и последовательно отстаиваем принципы мирного сосуществования государств с различными социальным строем. Наш народ хочет дружбы с американским народом, с народами всех стран».

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Неужели это единственный ступок представляет видустральную Америку?

«Пейс-колла» во всем пришлось по вкусу — лучше свои, из московского водопровода!

Машины — это да!

А вот это... название!

До новых встреч!

«Смена» спрашивает...

ОТВЕЧАЕТ министр культуры СССР тов. Н. А. МИХАЙЛОВ

Вопрос: Закончился Московский кинофестиваль. В чем, по вашему мнению, заключается его значение?
Ответ: Во-первых, в том, что Московский кинофестиваль предоставил простор для творческих встреч и дискуссий. Известный японский кинорежиссер Усикара правильно заметил, что благодаря фестивалю работники кино многих стран мира получили хорошую возможность обсудить острые проблемы развития киноискусства.

Во-вторых, фестиваль явился еще одним ярким доказательством того, как велика роль прогрессивного киноискусства в борьбе за мир и дружбу между народами, сколь популярно кино в широких народных массах.

И, в-третьих, Московский кинофестиваль разрешил широко паковать мировое кино: в нем приняли участие представители 50 стран, а также Организация Объединенных Наций и ЮНЕСКО.

Вопрос: Каковы художественные и идейные тенденции произведений, представленных на фестивале?

Ответ: В кинофильмах, представленных на фестивале, вполне очевидно проявилось стремление к современности. Большинство картин было посвящено борьбе за мир, событиям последней мировой войны, победе нового общественного строя — социализма — в странах народной демократии, острому социальным противоречиям в условиях буржуазного общества.

Подтверждение этому мы находим в фильмах, получивших премии. Это «Судьба человека» (СССР), «Мы — вулдеркинды» (ФРГ), «Наступил день» (Пакистан), «Взлетай на ночь» (Чехословакия), «Посланец народа» (Монголия), «Орель» (Польша) и другие.

Для творчества многих кинорежиссеров характерна тенденция отказать от пустой развлекательности, бессодержательности.

Припоминается, между прочим, поездка участников фестиваля на теледого по каналу имени Москвы. Собрался дружный коллектив, было много оживленных бесед, дискуссий. И все они были пронизаны живым интересом к художественному творчеству, заботой о сегодняшнем дне киноискусства.

Фестиваль убедительно показал огромную силу творческого метода социалистического реализма: фильм «Судьба человека» получил высший приз фестиваля!

Стремление к правдивому показу действительности, изображение жизни в ее революционной развилке, стремление к тому, чтобы не только обрисовать мир, но и звать людей к перестройке мира на новых началах, — вот что характерно для творческого метода социалистического реализма. И как бы ни ополчались против этого метода его противники, он будет давать знать о себе созданием действительно глубоких по идеям, высокохудожественных произведений.

Вопрос: Что вы можете сказать об участии молодого киноискусства в фестивале?

Ответ: В Московском фестивале принимали участие многие страны, которые еще только начали развивать киноискусство: Демократическая Республика Вьетнам, Кореяская Народно-Демократическая Республика, Албания, Либерия, Ливан, Марокко, Тунис, Куба, Монгольская Народная Республика.

Участие в кинофестивале этих стран наряду с такими членинами по количеству выпущенных фильмов, как, например, Япония или Индия, убедительно доказывает, что каждая страна — маленькая или большая — вносит свой вклад в общую сокровищницу мирового киноискусства.

Албания принесла на фестиваль поэтический фильм, передающий неповторимую прелесть ее пейзажей. Демократическая Республика Вьетнам представила короткометражный фильм «Стрелы канала Бак Хинг Хап», который получил золотую медаль.

Неожиданно для многих участников фестиваля был крупный успех пакистанского фильма «Наступил день». Это действительно волнующее произведение, рассказывающее о жизни бедных людей Пакистана, об их борьбе за то, чтобы наступающий день был светлым и радостным.

Реакция зрителей и решения жюри I Московского международного кинофестиваля свидетельствуют о том, что успех завоеванный произведения, проникнутые прогрессивными идеями нашего времени, чувством глубокой любви и уважения к человеку.

Сергей Бондарчук (СССР)

Сергей Бондарчук — один из самых популярных актеров страны. От «Молодой гвардии» до «Судьбы человека» — таков его путь, полный исканий и творческих побед.

На Международном кинофестивале в Москве народный артист СССР режиссер и исполнитель главной роли в фильме «Судьба человека» Сергей Бондарчук получил Большой золотой приз.

Дана Уилсон (АВСТРАЛИЯ)

Это самая молодая кинозвезда фестиваля. Ей 10 лет. В Москву Дана приехала из далекой Австралии. Конечно, ее не пустили одну в такое далекое путешествие.

Английский фильм «Крик с улицы», в котором играет Дана, был отмечен жюри фестиваля.

— Я очень рада, — сказала Дана, — что фильм понравился зрителям. И я хочу поблагодарить русских детей, которые сделали так много, чтобы мне было хорошо здесь, в Москве... Большое спасибо! — добавила она по-русски.

Кристель Буденштайн (ГДР)

«Дорогие советские друзья! Приезд в Москву является самым большим событием в моей жизни. Я надеюсь, что дружба между нашими странами сохранится и еще больше укрепится.»

С сердечным приветом
Ваша Кристель Буденштайн.

САМАЯ БЛАГО

Каждая страна имеет свои особенные цвета. Над Италией темно-синие небо, склоны и равнины блистают под серебристой пылью оливок. Наши цвета, рассказывали мне японцы, — это сочная зелень сосен, розовые и белые лепестки цветущей вишни, яркая желтизна бамбука. И эти тона мы находим в лучших японских картинах. У нас, говорили финны, небо и земля включают в себя все оттенки радуги: озера вечерами красные, а горизонт фиолетовый... Как

разнообразен мир, какое богатство поэзии и красоты таит он для нас, людей!

Каждая страна имеет свои особенные цвета. Но над всеми одно и то же солнце. Одни и те же мечты, заботы и радости объединяют простых людей всего мира. Показать это — самая благородная задача работников кино.

Лучшим фильмом фестиваля я считала «Судьбу человека». Бондарчук по рассказу Шолохова. Да, это тяжелая картина, котор-

Аояма Кеко (ЯПОНИЯ)

Ее зовут Аояма, что значит «голубая черешня». Сейчас ей 24 года, но она сияла уже... в 55 кинофильмах.

— Молодежь Японии, — сказала Аояма, — очень интересуется жизнью молодежи Советского Союза.

— Не хотите ли написать для нашего журнала несколько статей? — спросил мы.

— С удовольствием! — заулыбалась актриса и, вырвав листок из блокнота, написала:

«Молодые люди и девушки Со-

ветского Союза, здравствуйте! Я приехала из Японии на Международный кинофестиваль. Я хочу воспользоваться случаем и выразить пожелание, чтобы молодые люди всего мира, независимо от идеологии, теснее сблизьлись и подружились. Аояма Кеко».

Лус Мария Агилар (МЕКСИКА)

С 16 лет Мария выступала по радио: пела, играла в радиопостановках. Одновременно она училась в колледже. Но ей всегда хотелось попасть в кино. Как быть? Одного таланта в капиталистическом обществе мало... Мария решила принять участие в «конкурсе красоты». Среди двадцати премированных красавиц Мария заняла четвертое место. Это, конечно, позволило красивой Мексике пригласить сниматься в кино. В Москву она приехала, уже сыграв главные роли в 19 фильмах.

И многие ожидали увидеть в Москве, но то, что и увидела, превзошло все мои ожидания! — восторженно говорит Лус Мария Агилар. — Стройки, широкие, чистые улицы, прекрасные здания, а главное, люди, гостеприимные,

отзывчивые. Я хочу воспользоваться случаем, чтобы передать через ваш журнал привет советской молодежи и сказать, что я ужасно из Советского Союза с большими мыслями. Эта поездка дала мне очень много...

Мария улыбнулась.

— Правда, одно мое желание не исполнилось: я не встретила с Татьяной Самойловой...

Мария Чесельска (ПОЛЬША)

В дни фестиваля ей исполнилось 24 года.

— Я так рада, что приехала в Москву! — говорит Мария.

Чесельска не только киноактриса, но уже 4 года она выступает на театральной сцене.

— Я не знаю, что люблю больше: театр или кино. Свою последнюю роль в фильме «Дезертир» я никогда не забуду: было трудно и увлекательно.

Мария выбрала одну из своих фотографий:

— Можете мне подарить вам эту снимок? Подождите, я подпишу его!

Она написала: «Журналу «Смена на память о кинофестивале в Москве. Мария Чесельска».

Мартон Келети (ВЕНГРИЯ)

Мартон Келети, поставивший приронировано на фестивале кинофильма «Вчера», известен советским зрителем по многим кинолентам, шедшим на советских экранах («Мишка-аристократ», «Ночники на стадионе» и другие).

Келети мечтает осуществить совместно с советскими кинодраматургами постановку фильма о ком-

Джульетта Мазина (ИТАЛИЯ)

Джульетта Мазина получила на фестивале почетный диплом Союза советских кинематографистов. Этим выражена благодарность и признание советских людей выдающейся итальянской актрисе.

Джульетта Мазина окончила филологический факультет Римского университета. Она хорошо знает мировое искусство и литературу, любит русских писателей.

— Я мечтаю сыграть роль Киттиши Масловой в «Воскресении» Льва Толстого, — говорит Мазина.

Большую славу ей принесли два фильма, поставленные ее мужем, известным итальянским режиссером Феллини: «Дорога» и «Ночи Кабирия».

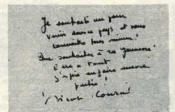
— Моя дин в Москве замечательна! — говорит Мазина. — Я очень рада, что смогла встретиться с советскими людьми.

позиторе Ференце Листе. Есть много материалов о пребывании Листа в России, о его дружбе с русскими композиторами.

— Мне очень приятно, особенно молодых, для меня очень важно! — говорит Мартон Келети. — Я желаю молодым товарищам больших успехов в их работе!

Николь Курсель (ФРАНЦИЯ)

Николь Курсель хорошо знает в Советском Союзе. Сначала к нам пришел фильм с ее участием

«Папа, мама, служанка и я», потом Николь приехала сама на неделю французские фильмы.

— И вот теперь я снова в Москве! — говорит Николь. — Конечно, я увидела сейчас много нового. Пройти раз я и приезжала зимой, и «сделала фильм», конечно, не такое большое событие, как Международный кинофестиваль.

Мы спросили Николь, что она думает о советской молодежи.

— У меня не было широких контактов с вашей молодежью, — ответила Курсель. — Но и без этого можно сразу почувствовать и понять, что советская молодежь полна энтузиазма и свежей энергией. У любого из ваших молодых есть свое твердое мнение, своя ясная цель в жизни, а этого очень не хватает западной молодежи.

Мы попросили Николь Курсель написать нам на память несколько слов. Николь взяла листок бумаги, подумала и написала:

«Я желаю в один прекрасный день приехать сюда еще раз, чтобы еще лучше узнать вас. Что пожелать молодежи? У нее есть все, что надо, что еще принадлежит к ней...»

Николь Курсель».

РОДНАЯ ЗАДАЧА

рая глубоко волнует, отнимает покой. Но это и хорошо: судьба Андрея Соколова, как бы трагична она ни была, излучает непоколебимую силу нашего бурного времени.

Большое впечатление произвел на меня сильный и честный венгерский фильм «Вчера», правдиво рассказывающий историю нескольких человек в дни контрреволюции в Венгрии. У нас в ГДР она, несомненно, будет пользоваться успехом. Как жаль, что такие

фильмы не видят из-за цензуры западноевропейский зритель!

Мы переживаем ответственный момент. Каждый из нас может и должен на своем месте и своими средствами помочь победе мира и прогресса. Это наш гражданский долг. Киноискусство, как никогда раньше, стало средством связи между народами, чудесным оружием людей доброй воли.

Пауль ВИНС,
немецкий кинодраматург

Сотни москвичей слушали 20 августа традиционный устный выпуск «Смены» в Центральном театре культуры

бравшими выступили поэты, композиторы, журналисты. С большим вниманием было выслушано выступление Евг. Долматовского, рассказавшего о непоколебимой верности делу мира и высоким моральным качествам посла СССР в Вену.

Дружно аплодировал за поэта А. Маркову и Н. Старшинову за Боякову и «подольские» сатирические строки. Телешоу встречали поэты Б. Шаоханян, прочитавший несколько лирических стихотворений из своей новой книги о каспийском крае — «Опыт», вернулся и В. Догданян, почитавший стихи своих земляков — ивановчан. И. Агеева, познакомившая слушателей с новыми стихами из цикла «Я тебя и Зауралье зову», Успенский выступили с чтением своих стихов. Ю. Коблев, Ю. Мельников, К. Вишневецкий.

О героическом трудовом подвиге молодых геологов в Сибири рассказал побывавший там недавно Фотохронист-корреспондент Н.В. Сани. Композиторы И. Горин и В. Сарванянович исполнили свои новые лирические песни.

Марин... Сколько людей на свете занимается их коллекционированием!

Инженер Иван Михайлович Демир — опытный коллекционер марок. Вначале он, как и многие филателисты, размышлял в альбоме согласно их выходу в свет. Но скоро ему перестало удовлетворять такое расположение. Ивану Михайловичу хотелось, чтобы его коллекция была не простым набором марок, а чтобы все марки были связаны между собой одной важной и интересной темой.

Однажды, просматривая свое филателистическое собрание, Иван Михайлович заметил, что очень большое количество марок посвящено миссии и деятельности Владимира Ильича Ленина.

«Нельзя ли составить коллекцию, в которой бы отражались все стороны жизни Владимира Ильича Ленина?», — подумал Иван Михайлович. — Смогут ли это сделать марки?»

Сомнения были напрасны. Систематически подборки рассказывали о жизни Ильича. Ведь миссия Ленина — это миссия всей России. Иван Михайлович прочел много трудов, посвященных Владимиру Ильичу, а когда уже марки в основном были собраны, отдала работу Владимиру Ильичу. Здесь горячо одобрили идею коллекционера.

Иван Михайлович взял за основу расположение марок биографии Владимира Ильича. Он выдал коллекционеру крупную сумму в жизни Ленина, в миссии патристический годы Ильича; студенческие годы, революционные годы. Организатор революционного движения; объединение революционных групп; истинный кружок; первая листовка... Марин, посвящен-

ные выходу «Искры», а вот уже революции 1905 года, брошюры «Потомство», Ленин на Броневике, Ленин в Риме, Ленин в Зининском.

Совершенно новым в коллекции Демирна явились те, что не скоро императору удалось сопроводительный текст.

Коллекция инженера Демирна была удостоена диплома на Всесоюзном фестивале молодежи и студентов в Москве.

Иван Михайлович Демир работает над коллекцией марок, посвященной борьбе за мир. Иван Михайлович Демир советует молодым филателистам: Пусть измайлов коллекционер найдет тему, изучит материал... Тематическая коллекция всегда интересней. Но собрание марок непременно должно сопровождаться пояснительными надписями, иначе это будет лишь бесцветная история.

А. ГУММА

«Стреляющие» растения

Не слышно больше шумных птичьих концертов; только синицы издали оглашают роши своим напевным голосам, похожим на звон колокольчиков. Но весел лиют тень осени; в зеленых березках курдюк повисли золотистые пряди; пестрота щетинки лугов сменялась желтизной; вдоль дорог тянутся ряды белых шаров отцветших одуванчиков. В эту пору в теплый, погожий день то тут, то там

раздаются «выстрелы» растений. Это идет великий осенний свист в растительном мире.

Стреляющий механизм растений многообразен, но назначение его одно: подбросить и поудачнее раскинуть семена, чтобы продолжить свой род.

В лесах и рощах, по берегам рек и озер встречаются целые заросли светло-зеленого растения с желтыми цветками, напоминающими своей формой музыкальную трубу. Достаточно дотронуться до его плода — стручковидного морочбин, — как он мгновенно взрывается, словно разбрасывая семена вокруг себя. Растение так и

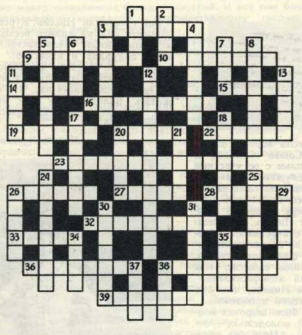
называется: недотрога... Тем же способом производит своих семян и обыкновенный игравинский, тенитский лес — ива.

Плоды многих растений прикреплены к упрямим стеблям и плодочному игравинскому. Выбравшись, выстреливает семенами через отверстие корочки плода, и выстрелом вылетают из него, вылетают семя, толпы, толпы, колосочком, гномиком. В нетрудовой труде, в труде великого сева происходит огромный труд. Прорастут же только те семена и плоды, которые попадают в благоприятную среду.

Я. СМРНОВ

КРОССВОРД

Составил В. Воржков.

По горизонтали:
 3. Роман Одисса Гончарова.
 9. Русский хитрый соседствитель теории химического строения вещества.
 14. Крутой лесной колуб.
 15. Выдающийся азербайджанский поэт XVIII века.
 16. Известный немецкий математик XVIII века.
 17. Автор «Песни о Гайваторе».
 18. Популярная повесть писателя XIX века.
 19. Повесть о русской шляхте.
 20. Подоснованная деревня, где была сооружена первая советская обсерватория.
 21. Советский антирелигиозный писатель.
 22. Повесть народного артиста СССР.
 27. Промысловый район.
 28. Выдающийся мореплаватель XV—XVI веков.
 33. Первый русский марксист.
 35. Борьба за освобождение негров в Америке в середине XIX века.
 36. Совокупность областей земного шара, население которых называется по названию некоторых животных.
 37. Повесть.
 39. Птица, ценная дичь.

По вертикали:
 1. Жидкость, приток.
 2. Колос, перекладываясь движением одного вала другому.
 3. Песня

я первый дет Советской власти.
 4. Группа людей, наблюдающих за порядком в общественном месте.
 5. Денежная единица писателя-сатирика.
 7. Знание.
 8. Воинский отряд под властью магнитного поля.
 11. Небольшая организационная единица подразделения.
 12. Совокупность методов проверки качества изделий, материалов.
 13. Город Томской области, основанный в годы Советской власти.
 17. Перелетная певчая птица.
 20. Балетное образование артистической организации.
 21. Лиственное дерево, растущее в парках.
 24. Один из создателей теории относительности.
 25. Тон, в годы Советской власти.
 26. Часта крута.
 31. Советский авантюрист.
 34. Цель, порезанная в пласте поперечно ископаемого для облегчения работы.
 35. Военное пространство выше и ниже плотины, шлюза.
 37. Особый вид плаванья, начинающийся Дюстроном и Дюстроном.
 39. Месяц года для игры в теннис.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 16

По горизонтали:
 4. Винапастель.
 6. Бард.
 7. Люцифер.
 8. Ржека.
 10. Удобрение.
 12. Красный.
 13. Уралск.
 20. Эрнст.
 23. Лилия.
 24. Кабан.
 25. Бархат.
 26. Ластик.
 27. Зелинский.
 28. Миллон.
 30. Куратор.
 31. Лион.
 34. Стойка.
 38. Диванчик.
 37. Углубить.
 39. Отличница.
 42. Опил.
 43. Сужок.
 46. Тонна.
 47. Ниспользование.

По вертикали:
 1. Апельсин.
 2. Магнет.
 3. Стрела.
 4. Водорель.
 5. Терпение.
 6. Вагон.
 7. Валден.
 8. Итра.
 9. Лис.
 14. Ильянский.
 16. Амарант.
 17. Дышанка.
 20. Кантал.
 21. Носорог.
 22. Киннер.
 24. Пластическая дичь.
 25. Ницца.
 33. Лист.
 35. Овало.
 37. Углубить.
 40. Пасоха.
 42. Углубить.
 43. Воля.

Первая страница обложки: Митин Елизаветинский — Ромкомский домик Ф. С. А. В. Страны.
Четвертая страница обложки: Ленин в море. Славяне.

ЗАЯЦ И ЛИСА

Однажды Заяц молвила Лиса:
— Я с Волком спорил: примерно два часа! Ну до чего же он упорный! Я говорю: снег белый, А он твердит, мол, черный! Как думаешь, правда, я или нет?
Клинт, мамой у снега цвет? Косой задумался: «Вдруг склмнешь неправда! Ини тогда нивамь светить? Ии вымоливил трусишкаа обладельнй...»
— А снег, сестрица, черно-белый...
Вл. ЗУБИХИН

г. Сталинград.

ДВА САПОГА — ПАРА

У Федота — анекдоты, у Ивана — болтовня, Результаты их работы: Закрепляли болт два дня.
Н. ЛУЖБИНИН
ст. Рохля, Ленинградской обл.

МЕЛКАЯ ТАРЕЛКА

Жизнь — это завтрак и обед. Гуляш, биточки, винегрет. Кто судит так о жизни мелко? Конечно, мелкая тарелка.
В. ЛЕВИЦКИЯ
г. Скопин, Рязанской обл.

ПРО СПОРТ И ПРО КОЗЛА

Козлу с седой бородой дремучей был как-то важный пост поручен. Что пост был важен, спору нет. Возглавил физкультурный он совет. Проходит год, — Кто слышно нового. За ним второй и третий. — Кто слышно нового. Его однажды друг Баран спросил. — Ой, плохо, брат! — Видать, не угодили Начальству и за что-нибудь «слетали»! — Не в этом дело! Олено ногу черт помог спомать, И больше него послать Не составянье.

Вот наказанье! — А Лань, а Лось, О них вы позабыли! Они когда-то очемь резвы были...
— Оно конечно, Да за кучей дел Их подготопить не успел, Наделяся, Олень не поведет.
Ан вот! — — — Беда. Когда От чванства миль от Ленин. Кой-кто не хочет молодых растить.
Продурт года, Состарятся олени, Их немем будет заменить.

г. Москва.

С. ПОЛЖИКАРЛОВ

НЕ ДО ШУТОК

Недавно около райкома Девчатка встретился комсорг Ерема. Он важно шествовал, держа в руках бумагу. — Ты что это, как ем, зарост? — Задани девушкии ему вопрос. — Горчит щетино, как солома. Видать, из друнгерлы ты сбелкал, Ерема... — Все шутите! — Ерема бросил одно. — А ведь пора и понимать. Не до того сейчас... Идет даулетка. Культуру надо поднимати!

И. ДАНИЛОВ

ст. Кумылженская, Сталинградской обл.

— Вей покрепче, Катенька! А восьмого марта я тебя подвеню...
Рис. А. Воробьева.

В. БРОДОВ

Случай в ателье

В ателье бытового обслуживания вошел очередной клиент. Снодульну взглядом по комнате, он спросил: — Одежду и обувь принимаете в мелкий ремонт? — Пожалуйста! — ответил приемщица. — Когда будет готово? Через неделю, через две? — Что вы!.. Мелкий ремонт производим в присутствии заказчика. Пожалуйста, что вам угодно? Клиент вдруг рвануло: — Прежде всего вытрите пыль! Грязная стойка! — Пожалуйста, сию секунду! Она достала тряпку и ловно обмахнула полированную стойку. Клиент сил изверговатой лирикан и смеялся: — Пришейте вешалку, да помойте! — Пожалуйста, сию секунду! — Приемщица отнесла пиджак в соседнее помещение. — Теперь пришейте набойки — продайте клиент. — Пожалуйста! Приемщица сразу отнесла ботинки в сапожную мастер-

скую и, вернувшись, стала выдвигать чемоданики. Портной принес пиджак и молча удалился. — Приемщица, готово! — сказала приемщица. — Внимательно и долго разглядывал клиент пришитую вешалку! — Безобразия! — Почему? — тихо спросила приемщица. — Не симметрично! Немедленно перешейте! — Пожалуйста, сию секунду! Клиенте заказы выполнены. Пересчитав сумму, клиент вдруг гаркнул: — Неудачливо «Ялалобную книгу!» — Пожалуйста, сию секунду. — У меня своей! Я хочу посмотретьсь персонально на вас! Приемщица победлена. — Пожалуйста! — Ваша фамилия? — Шавынина. — Молодец, Шавынина! — неоснаждано, уне другим тоном, тохалел клиент. Он улыбнулся, и лицо его сразу стало веселым, довольным. — Я нарочно придирался. Стойка была чистая. И вешалку сразу пришили правильно. А вы, как это подгадываете, отвечали немезнечено важно и культурно действовали! Но, порекомендова «Ялалобную книгу», клиент опять нахмурился. — А почему столько жалоб? — Так это же обычные клиенты пишут! — А в это? — Вы — другое дело. Я не вас в лицо знаю. Вы новый председатель нашей артели.
г. Ленинград.

Цена номера
2 руб.

HA LONG 58

ĐUC